XIII–XVI ВЕКА

А. В. Кузьмин

ФАМИЛИИ, ПОТЕРЯВШИЕ КНЯЖЕСКИЙ ТИТУЛ В XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в. (Ч. 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы)

Князья Порховские и дворяне Кузьмины

В генеалогии потомков правителей Смоленского княжества одним из самых малоисследованных и запутанных вопросов остается происхождение князей Порховских. Не ясны также причины потери ими княжеского титула, с которым в ряде случаев они упоминаются в источниках вплоть до последней четверти XV в.

Польский генеалог Ю. Вольф справедливо отмечал, что фамилия Порховских, существовавшая в России еще в XVI в., происходит от новгородского пригорода Порхова. Он обратил внимание на то, что после захвата литовцами Смоленска в 1404 г. на княжении в Порхове через некоторое время появляется Федор, сын великого князя смоленского Юрия Святославича, который сидел здесь вплоть до 1412 г. По мнению Ю. Вольфа, князь Федор Юрьевич был бездетным. Ссылаясь на русские родословцы, исследователь полагал, что отцом князей Андрея и Семена Порховских был князь Иван Святославич[1].

Уже С. Б. Веселовский констатировал, что «сбивчивость родословия смоленских князей не позволяет с уверенностью связать Порховских с их родом». Тем не менее, версию родословцев о князе Иване Святославиче как предке этой фамилии он под сомнение не ставил[2]. А. А. Зимин включал Порховских в число сторонников галицких князей, полагая, что родство с князем Юрием Дмитриевичем распространило «немилость великокняжеской власти 〈...〉 и на их потомков». Впрочем, при этом конкретных указаний на данные источников, подтверждавших бы такую точку зрения, исследователь так и не привел[3].

Между тем выявленные к настоящему времени сведения о представителях фамилии князей Порховских, находящиеся в синодиках и родословной росписи данной фамилии, теперь дают возможность провести серьезные текстологические процедуры над сохранившимися источниками. Полученные при этом данные, а также ретроспективный анализ сведений о службе князей и дворян Порховских за XV–XVI вв. дают основания подвергнуть ревизии обоснованность выводов Ю. Вольфа, Ю. Пузыны, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, Я. Тенговского и др. о происхождении данной фамилии.

Наиболее ранняя роспись смоленских князей сохранилась в составе *Лет. ред.* 40-х гг. XVI в., так как близкая ей по времени составления *Рум. ред.* не имеет полного текста росписи «Главы 3. Смоленские»[4]. При перечислении родственных связей детей и внуков великого князя Святослава Ивановича в *Лет. ред.* отмечается: «А у четвертого сына у княж Ивана Святославича были две дочери: одна была за князем Юрьем за Дмитреевичем за Шемякиным отцом, другая – за Швитригаилом»[5]. Данная информация оказывается общим местом для списков *Комп.* и *Патр. ред.* родословных книг[6]. Сведений о принадлежности рода Порховских к смоленской династии князей они не имеют.

Правда, в поздних списках *Патр. ред.* можно найти дополнительные приписки, расширяющие число потомков великого князя Святослава Ивановича за счет упоминания здесь нетитулованных (по данным родословцев) с конца XIV в. – Всеволож-Заболоцких, а с XV в. – Полевых и Еропкиных. В их числе оказываются и Порховские. Как отмечает родословец потомков смоленских князей, «А у **Князя Ивана Святославича одинъ сынъ Князь... и отъ него пошли Порховские Князи** [выделено мной. – *А. К.*], да две дочери – одна была за Княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ за Шемякинымъ отцомъ, а другая за Княземъ Швитригайломъ

Ольгердовичемъ»[7]. Списки 1-го извода *Патр. ред.* конца XVI в. не имеют в своем тексте вставки о неназванном по имени сыне князя Ивана Святославича[8]. Между тем С. Б. Веселовский полагал, что неназванный по имени князь носил имя Иван. Источник информации в данном случае, к сожалению, исследователем назван не был[9]. Формирование состава глав *Патр. ред.* происходило во время правления царя Ивана IV Грозного во второй половине XVI в.[10] Можно предполагать, что необходимость включения в родословец данного известия настала тогда, когда фамилия Порховских либо возвысилась, либо прекратила свое существование. Правда, сразу стоит оговориться, что информация о родстве Порховских со смоленскими князьями, хотя и является вставкой для родословцев, тем не менее, имеет вполне самостоятельное происхождение. Так, например, в Архивском III списке *редакции в 43 главы с приписными* сообщается, что «4-й у Святослава сын Иван, от того пошли Порховские». При этом записи о браках двух смоленских княжон источник не содержит[11]. Очевидно, что в одном из поздних списков *Патр. ред.* в единое целое были объединены самостоятельные по происхождению сведения из разных редакций росписей смоленских князей.

Происхождение жены галицко-звенигородского князя достоверно можно установить с помощью летописей. Они отмечают, что в 1400 г. «женися князь Юрьи Дмитреевичь у князя Юрья Святославича у Смоленского на Москве, и поя дщерь его Настасию»[12]. Как правило, браки между представителями великокняжеских династий в родословцах записаны весьма точно. Поэтому стоит предполагать, что приписка дочерей князя Юрия Святославича его брату Ивану могла произойти только из-за дефекта одного из исходных текстов росписи смоленских князей. Неточная запись находится в большинстве родословцев, где есть упоминание о браках смоленских княжон. Очевидно, такой дефект в росписи представителей династии Ростиславичей появился довольно рано. На этот факт указывает фиксация родословных записей в известном Медоварцевском сборнике 1527 г. Здесь, разрывая текст родословия ярославских князей, на свободном месте другим почерком были записаны представители смоленской династии князей за XV–XVI вв. При этом было отмечено, что «у Ивана **с(ы)новъ не было** [выделено мной. – *А. К.*], были двѣ дщери. Еlіна (?) была». Далее текст о потомстве князя Ивана Святославича в источнике обрывается[13]. Таким образом, очевидно, что дефект в тексте родословия смоленских князей за XV в. появился ранее составления известных нам первых редакций родословных книг 40-х гг.

XVI в. (Кстати, аналогичным образом сложилась и судьба архетипа редакции росписи старомосковского боярского рода Всеволож-Заболоцких, сохранившийся в первоначальном виде далеко не во всех списках родословий данной фамилии [14].)

Противоречивость и редкость упоминаний князей Порховских в конце XIV – второй половине XV в., естественно, оказала влияние на интерпретацию сведений источников в современной историографии. Так, С. Б. Веселовский полагал, что «выезд кн. Порховского в Москву произошел, вероятно, в том году, когда Литва захватила Смоленск и кн. Юрий Святославич бежал к московскому князю» [15]. В. Л. Янин обращал внимание на правление в Порхове до 1408 г. князей Даниила и Юрия Александровичей. Этих кормленщиков он считает представителями смоленского княжеского дома. Правда, при этом устанавливать конкретное происхождение братьев-князей, степень их родства с Иваном Святославичем и его племянником Федором Юрьевичем, а также с семьей Порховских, находившихся на службе в Москве, В. Л. Янин не стал [16]. По мнению С. Ю. Шокарева, «В источниках этот род впервые упоминается в середине XV века. В новгородских летописях князей Порховских мы не находим. Это весьма странно, так как Порхов – новгородский пригород» [17].

Наличие таких полярных взглядов и подходов заставляет также задаться вопросом, насколько справедливы наблюдения исследователей в решении вопроса о времени выезда князей Порховских на службу к великим князьям владимирским и московским?

Так называемая Летопись Авраамки (список 70-х гг. XV в.) и Новгородская IV летопись отмечают, что в 1404 г. в числе лиц, сопровождавших бывшего великого князя смоленского Юрия Святославича сначала в Москву, а затем на княжение в Великий Новгород, были его сын Федор и служилые князья Семен и Владимир Мстиславичи Вяземские [18]. Среди них князя Ивана Святославича не было, и это неудивительно. Годом ранее литовские войска под предводительством князя Семена-Лугвеня Ольгердовича захватили Вязьму, находившуюся на востоке Смоленского княжества. В городе в плен были взяты князья Иван Святославич и Александр Михайлович [19]. Отсюда брат великого князя смоленского был уведен в Литву [20]. Супрасльская и Никоновская летописи уточняют, что пленного Ивана Святославича мстиславский князь «приведе ко Витовъту» [21]. Таким образом, выясняется, что Иван Святославич не мог в 1404 г. отъехать в Москву, так как годом ранее князь был уведен в Литву. Кроме того, в эту

пору он управлял Вязьмой, а не Порховым, где, кстати, на княжении находились другие лица. Следовательно, в справедливости вывода С. Б. Веселовского о причинах и времени выезда князя Ивана Святославича в Москву можно усомниться.

После событий 1403 г. князь Иван Святославич в летописях больше не упоминается. Актовые источники связывают дальнейшую биографию князя исключительно с Турово-Пинской землей. Одно недатированное известие о нем находится в третьей книге записей Литовской метрики (далее – ЛМ). Здесь в книге раздач короля Казимира IV Ягеллончика за 1470 г. припоминается, что много лет ранее Иван Святославич был наместником в Турове [22]. Вполне вероятно, что именно в этом статусе он входил в раду князей и панов литовского великого князя Витовта. В 1422 г. князь Иван Святославич участвовал при озере Мельно в заключении нового мирного договора с Прусским орденом [23]. Во вкладной записи начала XVI в. князя К. И. Острожского отмечены старинные княжеские пожалования на людей, земли и угодья, данные ранее в кафедральный Успенский собор в Турове. Среди «kniaziej ruskich», прежних его ктиторов, здесь упомянут князь Иван Святославич [24]. Его назначение в Туров – пример тому, что правители Великого княжества литовского (далее – ВКЛ) взамен отобранных земель и властных полномочий на Смоленщине давали ее бывшим правителям определенную компенсацию. Конечно, данная мера не восстанавливала прежний политический статус наследников великого князя Святослава Ивановича. Тем не менее, служба на территории ВКЛ Витовту (а позднее Ягеллонам) гарантировала их право претендовать на распределение и получение части доходов в этом ведущем на тот момент времени государстве Восточной Европы. Однако число выгодных кормлений и мест в раде князей и панов Витовта было ограничено.

Неустойчивость такого положения, конечно, не могла не влиять на выбор места службы ближайшими потомками правителей Смоленска. Правда, имеющиеся в настоящий момент источники не позволяют точно реконструировать последовательную череду событий, которая объяснила бы, где, когда и при каких обстоятельствах состоялся выезд князей Порховских на службу в Москву или Великий Новгород. Однако косвенные свидетельства документов прошлого наталкивают на обращение к материалам по истории XV в. При этом, к сожалению, следует констатировать, что большинство исследователей (Ю. Вольф, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин, В. Л. Янин и др.) в ходе реконструкции генеалогии и истории кня-

зей Порховских, несмотря на ряд важных наблюдений, нечетко представляли себе, какое изменение социального, а следовательно, и служебного статуса, произошло у представителей смоленского княжеского дома после событий 1403–1404 гг.

Между тем, лишенные родовых земель, эти потомки Владимира Мономаха в большинстве своем, как отмечают источники, в первой четверти XV в. довольно быстро сформировали такую прослойку знати, которая вместо бегства в Москву или Тверь все же предпочла службу великим князьям литовским и их младшим родственникам.

В пределах Смоленской земли своим могуществом и влиянием в первой трети XV в. выделялись мстиславские князья. Третья книга записей ЛМ содержит перечень лиц, находившихся на службе у князя СеменаЛугвеня Ольгердовича (1360-е – 1431), а также его сына ЯрославаФедора (1411–1435) еще до прихода в 1440 г. к власти в ВКЛ великого князя Казимира IV Ягеллончика. Именно среди прежних слуг мстиславских князей можно найти тех, кого ни разу не отметили летописи в первую треть XV в. В ЛМ отмечается: «Князю Анъдрею Порховскому: што при князи Лынкгвени держалъ, Колтовъ а Березуйковичи, а Хоцлавичи, а у Реместве три боки». Помимо данных владений, по наблюдениям Ю. Вольфа, Андрей Порховский, по-видимому, ранее владел Волчиным, а также Крамовичами, находившимися в Мглине, подтверждение на права которыми он получил от короля Казимира IV Ягеллончика около 1450 г.[25] Кроме того, источникам известно держание боярина Никона с детьми – Березковичи, которое до прихода к власти в ВКЛ великого князя Казимира IV Ягеллончика «у него князь Анъдрей Порховский отнялъ»[26]. Итак, данные источников свидетельствуют, что князья Порховские, подобно правителям Верховских княжеств, служили как в Москве, так и в Литве. Однако их отличала одна важная особенность. Князья Верховских земель служили со своих родовых вотчин. Порховские таковых по статусу земель в ВКЛ не имели и полностью зависели от великокняжеских или королевских пожалований. В Северо-Восточной Руси их земельные владения, подобно разбиравшимся ранее случаям с формированием вотчин Всеволож-Заболоцкими, Волынскими и Липятиными, имели статус выслуги*.

* *Кузьмин А. В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины) // ГДЛ. М., 2004. Вып. 11. С. 701–783.

Анализируя известия летописей первой половины XV в., В. Л. Янин установил, что в последний раз в Новгородской земле князь Семен-Лугвень, ставленник Владислава II Ягайлы и Александра-Витовта, сидел на кормлении в 1407–1412 гг.[27] Его сын князь Юрий Семенович здесь был дважды в период между 1433 и 1440 гг.[28] В первом случае Порхов не входил в число городов, которые были отданы в кормление литовским князьям. Об этом прямо сообщает НIVЛ: «Поставиша церковь каменну святаго Николоу въ Порхове, при князи Федоре Юрьевиче Смоленьскомъ. И другую на Веряжи у мосту святаго Николу древяну въ манастыри; третью на Клопьске церковь древяноу святую Троицю». Вслед за данным событием «Лугвень сьеха в Литву и наместники сведе с пригородовъ Новгороцкыхъ» [29]. Какие города и волости здесь стал держать старший сын Семена-Лугвеня – князь Юрий Семенович, точно неизвестно. Однако вряд ли состав этих владений сильно отличался от тех, которые получали в держание в Новгородской земле в начале XV в. литовские князья. Поэтому можно предполагать, что Порхов входил в число таких городов. Как указывают источники, «пригородами» служилые князья управляли с помощью своих наместников. Не мог ли находиться среди них князь Андрей Порховский?

Изучение биографии князя Юрия Семеновича показывает, что в 30-е гг. XV в. он был активным сторонником Свидригайлы Ольгердовича. Этот великий князь вел борьбу за обладание ВКЛ с младшим братом покойного Витовта – стародубским и новогородокским князем Сигизмундом Кейстутовичем. 6 декабря 1432 г. в сражении под Ошмянами он практически наголову разбил войска великого князя литовского Свидригайла, взяв в плен часть его видных союзников. Среди них летописи называют и «князя Юрья Лугвеньевича» [30]. Правда, вскоре Сигизмунд освободил мстиславского князя, однако сын князя Семена-Лугвеня должен был выехать за пределы ВКЛ. В 1433 г., как отмечает Краткая Волынская летопись, он «приеха... из Литовскои земли в Новьгород» [31]. Здесь на княжении Юрий Семенович сел с согласия великого князя Василия II Васильевича, а не литовского великого князя Сигизмунда [32]. По-видимому, еще до 1437 г. князь успел покинуть Великий Новгород [33]. 3 марта 1438 г. он снова оказался здесь на княжении, но вновь ненадолго. В 1440 г. после убийства литовского великого князя Сигизмунда Кейстутовича князь Юрий вновь на короткое время вернулся в ВКЛ [34].

Политические метания Юрия Семеновича между Русью и Литвой, возможно, оттолкнули в 30-е гг. XV в. от князя часть слу-

живших ему людей. Последние могли предпочесть постоянным перемещениям своего сюзерена более выгодную и почетную службу у великого князя владимирского и московского. Василий II Васильевич и его братья в эти годы потенциально обладали большими возможностями для дачи земли и кормлений, чем беглый литовский князь. Поэтому неслучайно, что именно в этот период времени Порховские впервые начинают периодически упоминаться на службе правителей Северо-Восточной Руси. Согласно данным синодика Успенского собора Московского Кремля, среди погибших 4–5 декабря 1437 г. под Белевым в битве с ордынцами хана Улуг-Мухаммеда были князь Кузьма Порховский и Андрей Васильевич Порховский[35]. Разница в праве на титул и месте записи для поминания, возможно, свидетельствует о том, что они состояли в разной степени родства и, по-видимому, на службе в Москве занимали неравное положение. На такой вывод наводит запись для поминания первого из них («**Кнѧз(я) Коузмоу** [**Порховскои**][36]»), которая встречается в древнейшем из сохранившихся пергаменных синодиков Троице-Сергиева монастыря 1575 г. Здесь Кузьма Порховский был записан не в общем списке, а среди владетельных, удельных и служебных князей. Это явно подчеркивает его выдающееся положение при дворе великого князя и высокий служебный статус в Москве[37].

Правда, в злополучной для москвичей битве под Белевым войсками командовали дети великого князя Юрия Дмитриевича и Анастасии Юрьевны – Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Однако служба близких родичей из Смоленска при дворе этих удельных князей, хотя теоретически и допустима, но маловероятна. Так, например, акт от 14 мая 1514 г. свидетельствует, что в круг владений Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря входили «деревни Ильицыно, **Юшковская Порховского** [выделено мной. – *А. К.*]», которые располагались в Нерехотской волости Костромского уезда[38]. В 30-е гг. XV в. эта волость принадлежала великому князю Василию II Васильевичу, а не детям его дяди – великого князя Юрия Дмитриевича[39]. Помимо этого, в одном из судных докладных списков 1470–1478 гг. местные крестьяне сообщали нерехотскому тиуну Семену Григорьеву: «А мы, господине, **помним лет за 50**, что та земля тянет к селищу х Косовскому, и тот лужек. А мы, господине, **жили в Денисовском с своими отци за Юрьем за Порховским** [выделено мной. – *А. К.*]»[40]. Итак, выясняется, что, по крайней мере, не позднее начала второй четверти XV в. представители рода князей Порховских из рук великого князя получили

ряд селений в Нерехте [41]. Данные пожалования, как показывают свидетельства источников, у Порховских не были единственными.

Так, например, в списке конца XVIII в. с жалованной тарханной и несудимой грамоты великого князя Ивана III Васильевича архимандриту Никольского Шартомского монастыря Аникею на пустоши и деревни в Дору от 8 августа 1463 г. сообщается характер и место вклада. Боярин Федор Васильевич (Басенок?) «пожаловал» обитель, «дал в дом святому Николе по Иване Коварце по Парховском пустошь Миколскую межю и со всем с тем, что ней потяглам изстарины в Плесском уезде» [42]. Несколько неуверенный характер передачи текста выдает, что писец в конце XVIII в. не вполне отчетливо понимал отдельные места документа и, возможно, кое-где допустил досадные описки, так и не распознав буквы [43]. Среди послухов духовной грамоты Д. Т. Синего, составленной не позднее 4 июля 1510 г., в Емецкой волости Костромского уезда упоминается «Дмитреи Борисов сынъ Порховсково» [44]. Таким образом, можно подытожить, что владения рода Порховских в XV в. располагались не только в Нерехотской и Емецкой волостях Костромского уезда, но и в соседнем с ними Плесском уезде.

Упоминаемый в судном списке 1470–1478 гг. Юрий Порховский был видным служилым человеком, входившим в двор великого князя. Он погиб под Суздалем 7 июля 1445 г. в битве с татарской ратью царевичей Мамутека и Ягупа, сыновей хана Улуг-Мухаммеда. Юрий записан в Успенский синодик без упоминания его княжеского титула [45]. Последнее обстоятельство весьма примечательно, и вот почему.

Около 1462–1463 гг. среди послухов в полюбовной разводной записи на земли «близ реки Нерехты и Ярославского рубежа» князя М. И. Деева (?) и чернеца из Троице-Сергиева монастыря Александра Вовина упоминается Борис Порховский [46]. Еще С. Б. Веселовский установил, что он – сын Юрия Порховского. Б. Ю. Порховский утонул в казанском походе 1487 (по С. Б. Веселовскому – 1485) г. Для поминания имя Бориса было внесено в Успенский синодик Московского Кремля. Как ранее и его отец, Б. Ю. Порховский также был записан без княжеского титула [47]. Между тем, описная книга Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. сохранила свидетельство, что среди «государевыхъ грамотъ и всякихъ крепостей на вотчины, которыхъ вотчинъ за монастыремъ нетъ» под № 25 числилась: «Данная князя Бориса Юрьевича Порховского на деревню Ильинцыну и съ припускомъ и со всеми угодьи» [48]. Таким образом, как и в случае с князем Кузьмой Порховским, очевидна двойствен-

ность упоминания княжеского титула при указании на социальное происхождение представителей рода данной фамилии в документах частного и официального происхождения.

Еще об одном случае службы Порховских великим князьям московским сохранили летописи в статье за 6949 г. Тогда (после 22 сентября 1441 г., но до 24 января 1442 г.) при осаде войсками великого князя Василия II Васильевича новгородского пригорода Демьяна погиб Мятля Порховский[49].

В середине XVI в. известно несколько человек, носивших фамилию Порховских. Два из них – Никита и Афанасий Борисовичи – внуки воеводы 1508/09 г. Степана Юрьевича[50]. В 1571 и 1573 гг. они упоминаются как заурядные помещики Шелонской пятины Новгородской земли, не имеющие высоких назначений по службе[51]. Иное дело их близкий родственник Даниил Дмитриевич. Он стал единственным из рода Порховских, кто попал в Тысячную книгу. В 1550 г. Д. Д. Порховский упоминается как боярский сын третьей статьи по Галичу[52]. В 50-е гг. XVI в., согласно Дворовой тетради, он служил из Костромы[53]. В июне 1555 г. Д. Д. Порховский был приставом у жителей Юрьева Ливонского (Дерпа), которых отсюда насильно переселяли в Нижний Новгород[54]. В 1555–1558 гг. вместе с князем Т. Ф. Пожарским он был городничим в приказе города Свияжска[55]. В 1565 г. Д. Д. Порховский «был на службе в Ливонском походе»[56]. Позднее в известных нам источниках он не упоминался. Возможно, именно тогда в Дворовой тетради у его имени появилась помета: «Умре»[57]. По наблюдениям С. Б. Веселовского, в конце XVI в. постепенно перестают фиксироваться в источниках и другие представители рода Порховских[58].

Такой вкратце оказывается история службы дворян Порховских в конце XV – XVI в., которую удается проследить по документам прошлого.

Перед нами пример истории службы древней, но заурядной по меркам XVI в. фамилии, которая в это время вряд ли могла претендовать на генеалогический интерес к себе как со стороны официальных, так и частных составителей списков редакций родословных книг. Возможно, только пресечение рода Порховских и могло бы стать одной из причин для включения записи о нем в роспись смоленских князей в середине – второй половине XVI в.

Аналогичный случай можно отыскать в тексте родословной росписи князей Оболенских, Барятинских и Мезецких. Если в Румянцевском II списке 1-го извода *Патр. ред.* конца XVI в. было лишь кратко отмечено, что «Спажские и Конинские князи от

Оболенских же» [59], то в списках той же редакции уже начала XVII в. и в росписи 1686 г. князей Волконских было записано, что «извелися они отъ войны отъ Татарские» [60].

Тем не менее, родословная роспись фамилии Порховских все же существует. Правда, она встречается отдельно от родословия князей смоленского дома. Возможно, поэтому она до сих пор ускользала от внимания исследователей.

Сохранению текста родословия потомков князей Порховских помог случай. В 1514 г. «в Оршинское дело на Друцких полях оу Воскресенья на Д[оуб]рови» в результате местнического дела (текст которого не сохранился [61]) Ивану Семеновичу Пупку Колычеву были «выданы головою» дворяне Темир и Мятель Порховские [62]. Отсутствие подлинного дела или его полного списка затрудняет проверку происхождения представителей рода Порховских, так как их родословная сохранилась лишь в изложении Колычевых. Судя по тексту, она имеет вид исключительного для своего времени генеалогического памфлета, направленного против Порховских.

Согласно версии Колычевых, у великого князя Витовта была «на постеле девка Настасья, а прозвище ей Вятка», из-за чего «для той девки была вражда оу Витофта з детьми его». В результате этого конфликта литовский великий князь был вынужден дать «тое девку за конюха, за Ромашку». При этом «счастливый» жених получил от великого князя «богатества много». После свадьбы новоявленные муж и жена сбежали от Витовта в Великий Новгород, где конюх стал именоваться как «сродник великим князем литовским». Доверчивые новгородцы поверили Ромашке и «дали ему на прожиток город Порхов». Однако счастье Романа и Настасьи Вятки долго не длилось. Новгородцы «сведали, что Ромашка не князь, и хотели его за то оубить». Однако привести в исполнение задуманное они не успели. Зажиточный конюх «оутек на Кострому», где купил себе вотчину. У Ромашки был сын Кузьма, от которого и вели свой род дворяне Кузьмины и Порховские [63].

Очевидно, что главным сюжетом генеалогического памфлета Колычевых стало доказательство худородного и неродословного происхождения предка фамилии Порховских. При этом рассказ, посвященный собственно лишь «конюху» Роману, был закручен, как бы мы сейчас выразились, в духе любовного или авантюрного романа. Впрочем, при желании можно отыскать определенные параллели и в былинах, но не это главное.

Главный интерес в данной версии родословной фамилии Порховских представляет фигура ее основателя – Романа. Отсутствие ответа Порховских против извета Колычевых затрудняет установление происхождения родоначальника данной фамилии. Тем не менее, обращение к летописям показывает, что в конце XIV в. князь с именем Роман действительно находился на службе в Новгородской земле. Как свидетельствуют источники, в 1386 г. в военных маневрах на Жилотуге против войск московского великого князя Дмитрия Донского принимали участие служилые князья Патрикий Наримантович и Роман Юрьевич, а также несколько копорейских князей [64]. В Порхове, месте кормления Романа [65], спустя год «поставиша новогородци город камен» [66]. Затем его имя на некоторое время исчезает из поля зрения местных летописцев. Это событие удивительным образом совпадает с приходом в зиму 1388–1389 гг. в Великий Новгород литовских послов бояр Овгимонта и Братоши. Они передали новгородцам предложение князя Семена-Лугвеня, который «хотя быти у них в Новегороде и сести на городкех, чем владелъ князь Наримантъ». Переговоры прошли удачно. Правитель Мстиславля находился в Новгородской земле в 1389–1392 гг., пока не оставил свое кормление и не отъехал в Литву [67]. В 1393–1394 гг. вместо князя Семена-Лугвеня в Новгородской земле действовал его племянник – Роман Литовский, сын ратненского князя Федора Ольгердовича [68]. Позиция властей Великого Новгорода в отношении ВКЛ поменялась лишь после 28 сентября 1395 г., когда войска Витовта обманом захватили Смоленск и пленили здесь большинство местных князей, за исключением семьи князя Юрия Святославича, находившегося в Переяславле Рязанском в гостях у своего нового тестя – великого князя Олега Ивановича. В этот период времени на кормлении в Новгородской земле вновь появляется князь Роман Юрьевич. По наблюдениям В. Л. Янина, «если литовские князья тяготеют к Ладоге, Корельскому городку и Орешку, а также получают половину Копорья, то Роман Юрьевич и Константин Белозерский тоже связаны с северо-западом: Ямом, Порховым и с тем же Копорьем» [69]. Судьба Романа сложилась трагично: в 1398 г. при загадочных обстоятельствах он был убит «на Шолоне», а его тело «бысть положено... у Святого Спаса в Порхове». Отмечая это событие, летописец ни словом не обмолвился о мотивах и исполнителях убийства порховского князя [70]. В 1399 г., вскоре после ликвидации одного из руководителей обороны

новгородско-литовского порубежья, Витовт прислал «възметную грамоту» и разорвал свои отношения с Новгородом[71].

В современной историографии происхождение Романа Юрьевича трактуется неоднозначно. Польский генеалог Ю. Пузына полагал, что новгородский служилый князь Роман Юрьевич — это старший сын князя Юрия Наримантовича, правнук великого князя литовского Гедимина[72]. Данная точка зрения поддержана в современной польской историографии без какой-либо дополнительной аргументации[73].

В. Л. Янин, вслед за Ю. Вольфом, справедливо указал на невозможность для тождества упоминаемых на службе в Новгороде князей Р. Ю. Порховского и Р. Ф. Литовского. Исследователь предложил тождество князей Р. Ю. Порховского и Р. Ю. Белозерского. Данный вывод был сделан В. Л. Яниным на основании того, что последний из князей, по его мнению, «единственный русский князь конца XIV в., носивший имя Роман Юрьевич»[74].

С данным утверждением можно было бы согласиться, если бы не два весьма важных обстоятельства, которые ускользнули от внимания В. Л. Янина.

Вопервых, происхождение и время жизни представителей белозерского княжеского дома в его исследовании были определены не точно. Ряд лиц, живших, по мнению В. Л. Янина, в XIV в., на самом деле в источниках начинают фигурировать лишь почти на столетие позже (причем это касается и отца князя Р. Ю. Белозерского — Юрия Васильевича[75]).

Во-вторых, контекст политической ситуации во взаимоотношениях государств Восточной Европы показывает, что одним из главных партнеров Великого Новгорода в борьбе против ВКЛ на рубеже XIV–XV вв. оказывается последний великий князь смоленский.

В 1401 г., как отмечают летописцы, новгородцы заключили «миръ» с великим князем Юрием Святославичем. Это произошло сразу же после того, как он при поддержке рязанского великого князя Олега Ивановича овладел Смоленском[76]. Все это заставляет предположить, что князь Роман Юрьевич мог быть сыном смоленского великого князя Юрия Святославича от первого брака[77]. Учитывая общую границу, проходившую между землями Великого Новгорода и Смоленска, а также наличие порубежных территорий, плативших дань в обе стороны, такое предположительное тождество лиц имеет право на существование. Косвенным доказа-

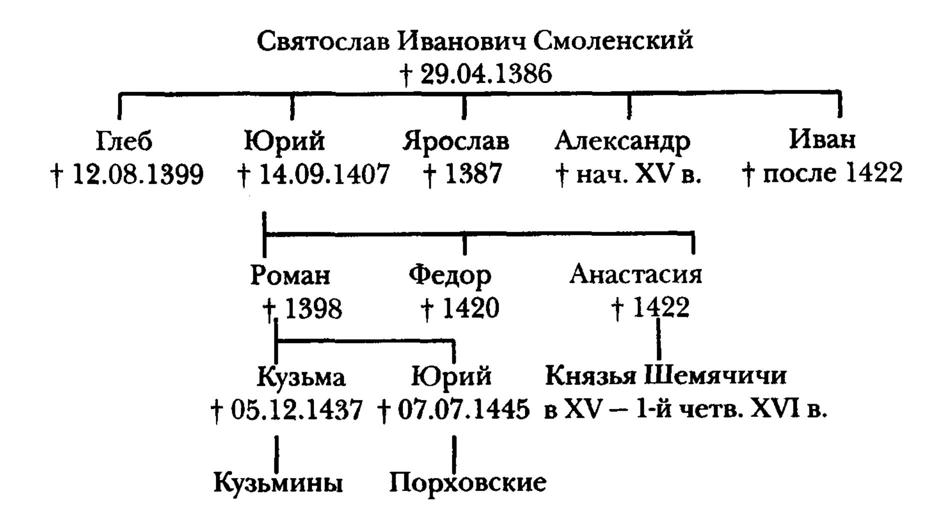
тельством ему, конечно, может являться высокое положение при московском дворе сына князя Романа – Кузьмы.

В местническом извете Колычевых отмечается, что у К. Р. Порховского было два сына: Степан и Борис. Если относительно первого из них каких-либо противоречий в источниках нет, то видеть во втором его сына совершенно невозможно. Как было показано выше, Борис носил отчество Юрьевич, а не Кузьмич. Следовательно, Б. Ю. Порховский был сыном Юрия Порховского, который, кстати, в извете Колычевых не был упомянут. Этот факт свидетельствует о том, что предложенный перечень родства Порховских в данном источнике не был представлен полностью[78]. Данный вывод прекрасно подтверждают поминальные записи рода Порховских, входящие в состав синодика Новгородского Вяжицкого Никольского монастыря[79].

В главе «Родъ Шестака Порховского» данного синодика были записаны дальние предки этого новгородского помещика, в том числе князья Иван, Роман, Кузьма, а также Юрий, Иван, Борис и прочие представители фамилии и их родственники[80]. Это свидетельство источника подтверждает прямое родство Романа и Кузьмы. Оно также указывает на прямое отношение к данному роду князей Юрия и Ивана (Коварцы?) Порховских, которые известны благодаря упоминаниям в актах XV века. Поскольку потомки Кузьмы известны под фамилией Кузьмины, а потомки Юрия как Порховские, можно полагать, что оба князя были родными братьями. Вероятно, они родились незадолго до смерти князя Романа Юрьевича, т. е. до 1398 г.

Отсутствие в помяннике Порховских имени великого князя Юрия Святославича, в отличие от князя Ивана, не должно смущать, ведь последний правитель Смоленска из династии Ростиславичей считался убийцей князя Семена Мстиславича Вяземского и его жены княгини Ульяны. Его частичная реабилитация произошла лишь после освобождения города русскими войсками в 1514 г., когда имена князей Юрия Святославича и его сына Федора Юрьевича для поминания по политическим мотивам были включены в состав великокняжеского помянника[81].

Приведенные в источниках сведения о представителях рода князей Порховских и дворян Кузьминых за конец XIV – первую половину XV в. можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Текстологические наблюдения над родословной росписью смоленских князей, сведения об их службе в Москве и Литве в первой половине XV в., данные фамильной росписи и поминальные записи в синодиках ставят под сомнение обоснованность вывода С. Б. Веселовского и А. А. Зимина о судьбе представителей рода Порховских в это время. Ввод в научный оборот ранее малоизученных генеалогических источников свидетельствует о близком, но не прямом родстве звенигородско-галицкого князя Юрия Дмитриевича с семьей князя Ивана Святославича. Рассмотренный круг сведений источников о Порховских и Кузьминых позволяет прийти к следующим наблюдениям. Очевидно, что в первой трети XV в. князья Порховские за выезд на службу в Москву получают в вотчину земли в Костромском и Плесском уездах Великого княжения Владимирского, тем временем как в ВКЛ на территории Мстиславского удела они имели всего лишь держания. Ратные столкновения в конце XIV – первой половине XV в. привели к тому, что, как и в случае с князьями Липятиными, все наиболее видные представители рода Порховских были убиты на войне. Очевидно, ранняя гибель старших родичей не позволила оставшимся в живых представителям рода Порховских выдвинуться на службе и стать такими же богатыми и влиятельными землевладельцами, как ВсеволожЗаболоцкие или Волынские. Об этом косвенно свидетельствует отсутствие каких-либо сведений источников о владении князьями Порховскими в XV в. землями непосредственно вблизи

Москвы. Нет никаких данных и об их семейных связях с влиятельными московскими служилыми фамилиями. Характер службы в первой половине XV в. таких безудельных княжат, как Порховские, юридически в большей степени соответствовал положению вольных слуг и бояр, чем служебных/служилых князей. Вероятно, поэтому статус Порховских даже в ВКЛ не был очень высоким. Дети и внуки князя Романа Юрьевича здесь не дотянули даже до положения королевских дворян. Отсюда, возможно, и происходит такая двойственность в упоминании и умолчании княжеского титула Порховских в московских документах фактически вплоть до конца XV в. В связи с этим интересно отметить, что младшие родичи смолян Порховских – князья Кропоткины, Коркодиновы и Селеховские этой участи избежали. Они выехали на службу в Москву после освобождения Смоленска от власти Ягеллонов в 1514 г., когда социально-политическая структура элиты древней Руси, объединенная в рамках нарождавшегося Московского государства, уже претерпела новые и весьма заметные изменения.

Князь Иван Шонур Козельский и род бояр Шонуровых и Сатиных

Среди правящих родов в княжествах Чернигово-Северской земли в XIII–XV вв., в отличие от семьи правителей соседней Смоленщины, достоверно пока известен только один случай, когда князь, выехавший в середине XIV в. в Москву, потерял свой титул. Им был князь Иван Федорович Шонур Козельский, родоначальник боярских фамилий Шонуровых и Сатиных. Его семья стала первой среди потомков великого князя Михаила Черниговского, представители которой в XIV в. остались на службе у правителей СевероВосточной Руси. Немаловажно и то обстоятельство, что в последней четверти XIV в. Шонуровы оказались при дворе представителей боровско-серпуховской линии московского княжеского рода. Учитывая этот факт, а также то, что потеря титула детьми И. Ф. Шонура Козельского – явление редкое в принципе, нехарактерное для князей черниговского дома, следует подробно рассмотреть генеалогию и службу его рода в Москве.

Князья Козельска были средней линией рода правителей Карачевского княжества. Свое происхождение они вели от одного из младших сыновей черниговского великого князя Михаила Всеволодовича († 1246) – Мстислава. Знание о числе его ближай-

ших наследников в XIII–XIV вв. было неполным уже в конце XV – начале XVI в.[82] Длительная служба потомков карачевских князей на территории ВКЛ, а также родство с правящей династией на протяжении нескольких поколений[83] не создавали предпосылок для их раннего появления в Москве. Даже в XV – первой трети XVI в., когда ситуация уже в значительной степени изменилась, в отличие от многочисленных семей бывших владельцев Спаса, Волконы, Конина, Безпуты, Мышаги, Оболенска и Тарусы, ряд ветвей рода прежних правителей Карачева, Козельска и Мосальска так и остались в ВКЛ.

Иван Федорович Шонур – первый известный представитель одного из Верховских княжеств, перешедший на службу в Москву. Родственные связи с оставшейся в Литве родней в своих росписях его потомки не указывали. Первоначально это не было нужно для продолжения удачной карьеры на территории Северо-Восточной Руси. Достаточной мерой для Шонуровых и Сатиных стало указание на то, что князь Иван Шонур происходил от правителей Козельска[84]. Между тем, когда в России в первой половине XVI в. настала пора вспоминать о многочисленных потомках карачевского князя Мстислава Михайловича, то сделать это оказалось почти невозможно. Поэтому неслучайно, что в ряде росписей князей черниговского дома прямо подчеркивалось, что «Мстиславли дети писаны не сполна»[85].

Выяснить состав и родственные отношения между различными ветвями рода потомков карачевских князей в конце XIX – XX вв. попытались отечественные исследователи. Среди последних по наибольшему охвату источников и научной литературы выделяются дореволюционные работы Р. В. Зотова, М. К. Любавского и Г. А. Власьева[86]. Кроме того, данный вопрос активно рассматривался в статьях и монографиях польских историков, среди которых интерес представляют труды Ю. Вольфа, Ю. Пузыны и С. М. Кучиньского[87].

Ряд выводов указанных выше исследователей о происхождении и характере родства между потомками князя Мстислава Карачевского не потеряли своей актуальности до сих пор. Однако общим недостатком исследовательских работ конца XIX – XX вв. стало отсутствие в них текстологического анализа разных редакций родословных росписей, посвященных потомкам правителей Черниговской земли. Для выяснения генеалогии Черниговo-Северских Ольговичей использовались списки только поздней *Патр. ред.*, а также текст Бархатной книги. Сведения данных источ-

ников сильно контрастировали по объему и точности информации со сведениями, находящимися в Любецком помяннике. Примирить или достоверно объяснить ряд различий в сведениях данных генеалогических источников исследователям не удалось. Поэтому никто из них не смог ответить на главный вопрос, каким образом проходил процесс формирования как общих, так и отдельных росписей фамилий потомков черниговского великого князя Михаила Всеволодовича. Персональный состав последних также не представляется полностью установленным и надежно отождествленным с лицами, упоминаемыми в других видах письменных источников (например, в летописях)[88].

В настоящее время ряд новых источников, где отражены самые ранние генеалогические сведения о потомках карачевских князей (т. е. до момента создания Государева родословца 1555 г.), ввела в научный оборот М. Е. Бычкова[89]. Среди них наиболее важным представляется ранняя редакция росписи потомков великого князя Михаила Черниговского. Она находится в сборнике первой трети XVI в., принадлежавшем его прямому потомку – монаху Дионисию Лупе (в миру – князь Даниил Васильевич Звенигородский († 1538))[90].

В вышедшей посмертно монографии А. А. Зимина рассматривалась генеалогия князей Звенигородских конца XIV – начала XVI в. Исследователь полагал, что они «издавна служили московским государям». Время выезда князей Звенигородских на службу в Москву А. А. Зимин отнес к 1408 г. Однако убедительных данных источников об их службе в первой половине XV в. в Москве, за исключением летописного рассказа о сторонниках литовского князя Свидригайла Ольгердовича, выехавших вместе с ним к великому князю Василию I Дмитриевичу, исследователь так и не привел. Степень родства потомков правителей Карачевского княжества, московских бояр Сатиных-Шонуровых и князей Звенигородских, А. А. Зиминым не только не была определена, но и не сформулирована как исследовательская задача[91].

Такими же скупыми на наблюдения о генеалогии правителей Карачева, Козельска и Ельца за XIV в. являются исследования М. М. Крома и А. А. Горского[92]. Отмечая их прямое родство с князьями Мосальскими и Хотетовскими, М. М. Кром лишь вскользь замечает, что «линия собственно карачевских князей к началу XV в. угасла, самим г. Карачевом распоряжались в XV в. литовские господари»[93].

Привлекая источники, опубликованные М. Е. Бычковой, а также наблюдения Р. В. Зотова, Г. А. Власьева, Ю. Вольфа и С. М. Кучиньского, новую, более полную реконструкцию родословного древа правителей Верховских княжеств за XIII–XV вв. недавно опубликовал А. В. Шеков. Однако и эта весьма интересная работа, как и исследования упоминавшихся выше русских дореволюционных и польских историков, имеет ряд серьезных недостатков. А. В. Шеков так и не смог установить четкую взаимосвязь между упоминанием в разных по времени составления и характеру записей генеалогических источниках потомков черниговских князей, определить очередность их создания. Поэтому ряд князей, живших в середине – второй половине XIV в., в родословной таблице, составленной А. В. Шековым, оказались среди лиц, действовавших уже в XV в. [94] Так, например, если Р. В. Зотов считал И. Ф. Шонура Козельского правнуком Мстислава Михайловича Карачевского [95], то, согласно предположению А. В. Шекова, он был внуком князя Тита Козельского, который упоминается в летописях еще в 1365 г. [96]

Среди исследователей, непосредственно работавших с источниками по генеалогии Шонуровых и Сатиных, следует выделить наблюдения Н. П. Лихачева и С. Б. Веселовского. Так, первый из них после анализа информации родословных документов дворян Сатиных конца XVII в. отметил, что в Разрядный приказ ими было подано две росписи. Первую роспись принес московский дворянин Емельян Романович, а вторую – его дальний родич Афанасий Михайлович [97]. Проверяя биографические сведения, изложенные в обеих родословных, Н. П. Лихачев нашел подтверждение ряду их сведений в других письменных источниках. Он также смог определить время боярства Матвея Романовича у удельных князей московского дома – Василия Владимировича и Константина Дмитриевича [98]. Кроме того, Н. П. Лихачев после тщательного анализа приложенных к тексту родословной документов установил, что жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича окольничему Никите Перфильевичу Сатину, известная по копии XVII в. из собрания И. Д. Беляева, – фальсификат. В этом документе исследователь выявил две явные вставки: 1) «за верную службу за посолство во Орду»; 2) указание на думный чин окольничего у Н. П. Сатина. При этом Н. П. Лихачев отметил: «Можно, пожалуй, поверить показаниям росписи о боярстве Сатиных XV века, но в XVI столетии эта фамилия, несомненно, не имела представителей в высших чинах. Если она захудала, то еще в XV веке. Кроме того, дьяк Елиазар Цыплетев не мог подписать грамоту 1504 года – эта

дата для него слишком ранняя...»[99] От себя добавим только, что в родословных росписях Шонуровых и Сатиных в это время нет ни одного Перфилия и Никиты, т. е., по всей вероятности, окольничий Н. П. Сатин – лицо вымышленное[100].

С. Б. Веселовский, анализируя сведения росписей Шонуровых и Сатиных, замечает, что «по одним родословцам» они «сложили с себя княженье», а по другим – княженье было с них «снято». Тем не менее, «сыновья и внуки кн. Ивана Шонура Козельского заняли в Москве довольно видное и почетное положение, но не при дворе великого князя, а на службе удельным князьям московского дома. Этим можно объяснить, что в следующем поколении Сатины оказались в стане княжат, противников вел. кн. Василия Темного»[101].

Таким образом, выясняется, что практически все без исключения исследователи не смогли установить верное время жизни и деятельности князя Ивана Федоровича Шонура Козельского, определить, почему он и его сыновья сложили с себя княжеский титул, что весьма важно. Ведь ответы на данные вопросы способствуют решению такой более серьезной задачи, как установление общих причин изменения социального статуса древнерусской титулованной знати после ее перехода на службу в Москву в середине XIV – первой трети XV в. Рассмотрим указанные выше вопросы подробнее.

Прежде всего, надо уточнить время деятельности князя И. Ф. Шонура Козельского. Как отмечает под 1371 г. Рогожский летописец, переписанный в стенах Троице-Сергиева монастыря в 40-е гг. XV в., после поездки к ордынскому темнику Мамаю, которая началась 15 июня, владимирский и московский великий князь Дмитрий Иванович «наслалъ» рать на Бежецкий Верх, занятый ранее тверичами. Здесь москвичи «убиша наместника княжа Михаилова Микифора Лыча», а затем «по волостемъ Тферьскимъ грабили». В отместку тверская рать захватила Кистьму и «воеводъ Кистемьскыхъ **Ивановыхъ детии Шенуровыхъ Андреа и Давида и Бориса** (выделено мной. – *А. К.*), изнимавъ, приведоша въ Тферь къ великому князю Михаилу»[102]. Из текста второй духовной грамоты великого князя Василия II Васильевича можно установить, что волость Кистьма была владением московской великокняжеской семьи. Ее «примыслъ» осуществил еще Иван I Калита[103]. Следовательно, находившиеся в Кистьме воеводы, несомненно, служили в 1371 г. великому князю Дмитрию Ивановичу. Обращение к родословным росписям Шонуровых и Сатиных позволяет установить, что из трех указанных выше детей И. Ф. Шонура Козельского им известен только Давыд[104]. Таким образом, выясняется, что летописец сохра-

нил уникальные сведения об именах еще двух детей Шонура Козельского. Вероятно, от Андрея и Бориса род не пошел и поэтому они не были включены в родословные росписи Шонуровых и Сатиных. Учитывая известие Рогожского летописца, можно предполагать, что Иван Шонур приехал служить в Москву непосредственно к великому князю. Умер ли он до или после 1371 г., пока установить невозможно. По крайней мере, по ряду списков так называемого Любецкого помянника точно известно, что ближайший родственник Ивана Шонура – князь Федор Александрович Звенигородский – погиб в сражении с ордынцами, очевидно, в начале XV в. [105] Версию Г. А. Милорадовича о гибели князя Ф. А. Звенигородского в битве с войсками Мамаевой Орды на р. Дон 8 сентября 1380 г. данные источники не подтверждают [106].

Когда же все-таки произошел выезд князя И. Ф. Шонура Козельского на службу в Москву и каковы были его причины?

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что к середине XIV в. контакты между правителями Московского и Верховских княжеств уже были развиты на высоком уровне. Так, например, хорошо известна покупка между 1340–1348 гг. великим князем Семеном Ивановичем Гордым волости Заберег, земли которой находились в верхнем течении р. Протвы, у новосильского князя Семена Михайловича [107].

Изучение местоположения вотчин бояр Сатиных-Шонуровых во второй половины XIV – XV вв. позволяет предполагать, что выезд князя Шонура Козельского в действительности произошел ранее – возможно, еще при великом князе Иване I Даниловиче Калите, как об этом свидетельствуют родословные книги XVII в. и роспись Сатиных, поданная ими в Разряд 23 мая 1686 г. [108]

Часть владений семьи Шонуровых находилась под Боровском. Столица будущих владений князя Владимира Андреевича Храброго впервые упоминается в двух духовных грамотах его дяди – великого князя Ивана II Ивановича Красного, последнюю из которых, как убедительно показал В. А. Кучкин, следует «относить примерно к весне – лету 1359 г.» [109]. Здесь среди владений великого князя упоминается «село на Рѣпнѣ в Боровьсцѣ» [110]. Из текста докончания великих князей Дмитрия Московского и Олега Рязанского, составленного 2 августа 1381 г., можно выяснить, что когда-то «земли по рекѹ по Ѡкѹ, ѡ*т* Коломны вверхъ по Ѡцѣ... поче*н* Новыи городѡ*к*, Лѹжа, Верея, Боровескъ, *и* иная» были «мѣста Рязанская», но теперь они уже принадлежали Москве, что еще раз и подтвердил данный договор [111].

Докончание Дмитрия Донского и Владимира Храброго, датированное 25 марта 1389 г., свидетельствует о том, что еще в начале правления великого князя Боровск постепенно вошел в число владений старшего сына Ивана II Ивановича Красного. Однако чуть позже, как указывает великий князь Дмитрий Иванович своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу, «[...ты мнѣ потомъ челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексѣемъ, митрополитомъ всеѧ Руси, и ѩзъ] тобе пожаловал, [далъ ти есми Лужу и Боровескъ...]». Данное событие относится к 1372–1374 гг. При этом важно отметить, что документ четко оговаривает, что Боровск ранее не входил в число Лопасненских мест[112]. Такая привязка названия данного топонима в источниках при перечислении населенных пунктов с востока на запад (от Коломны), по-видимому, подтверждает вывод, что Боровск с ближайшей округой мог начать отходить к Москве, как ранее и Коломна, еще в начале XIV в. По крайней мере, в 30-е гг. XIV в. боровская волость Щитов уже была завещана великим князем Иваном I Калитой своему младшему сыну князю Андрею Ивановичу[113]. По наблюдениям В. А. Кучкина, в правление великого князя Ивана Красного (1353–1359) в пользу Москвы отошла волость Истерва; «называлась она так, скорее всего, по р. Истерьме, впадающей слева в р. Протву недалеко от Боровска». Как отмечает исследователь, «о том же процессе свидетельствует еще один факт, извлекаемый на этот раз из перечня сел, которыми Иван Красный наделил младшего сына. Из семи сел, названия которых впервые встречаются только в духовной грамоте Ивана Ивановича: Михалевское, село на Репне в Боровске, Мильцинское, Каринское, Козловское, Выславское, Кузьминское, местоположение одного определяется сразу. Это село на Репне в Боровске. Речь идет о поселении, располагавшемся на р. Репне (позднейшей Репенке), левом притоке р. Протвы. Земли по этой реке административно подчинялись Боровску. Появление здесь московского села указывает на захват Калитовичами части территории Рязанского княжества»[114]. Впрочем, для нашей работы важно установить то обстоятельство, что первоначально Боровск, небольшой городок на юго-западной границе Московского княжества – родина преподобного Пафнутия Боровского, входил в число владений московского, а не серпуховского удельного князя.

Память о владениях И. Ф. Шонура Козельского, прежде всего, сохранили названия населенных пунктов. Например, к западу от Боровска известно село Сатино. Оно находится в 8 км к западу от города[115] и располагается на мысу «первой надпойменной террасы

прав[ого] берега р. Протва при впадении руч[ья]». Позднесредневековый культурный слой здесь представлен преимущественно гончарной керамикой. Он относится к XIV–XVII вв. [116] Судя по нижней датировке культурного слоя, есть вероятность того, что первым владельцем села был именно Иван Шонур. Название этого села свидетельствует о том, что позднее оно перешло в руки младшего сына князя – Романа Сати.

По одному из списков начала XVII в. *Комп. ред.* родословных книг можно установить, какие земли при разделе наследства отца получили другие дети И. Ф. Шонура Козельского. Как отмечает источник, «Давыду досталось в удел Недино. А большому сыну Констянътину досталось село Щитово в Боровъске» [117]. Кроме того, согласно одному из актов Московского Архангельского собора выясняется, что среди его владений в июле 1463 г. появились «два сельца Инютинское да Козелское в Боровском уезде в Суходоле» [118]. Последнее из них ранее, несомненно, также могло принадлежать князю Ивану Шонуру. Очевидно, как и ранее в случае с селами Волынским под Москвой и двумя Липятиными под Коломной, в названии села Козельское в середине XIV в. могло отразиться фамильное прозвище его владельца. В настоящее время это село находится в 10 км к северо-востоку от Боровска вблизи от правого берега р. Истерьма [119]. Поскольку волость Истерва, тянувшая к Звенигороду, вошла в состав Московского княжества, как отмечено выше, лишь при великом князе Иване II Красном, то можно думать, что князь Иван Шонур мог основать на своих новых землях в Суходоле село Козельское еще до 1353–1359 гг. Ведь волость Суходол Звенигородского и Боровского уездов Московского княжества, как и Щитов, известна еще со времен правления здесь великого князя Ивана I Калиты. Во второй половине 30-х гг. XIV в. волость Суходол дважды была завещана его второму сыну – Ивану II Красному [120].

Согласно завещанию Владимира Андреевича Храброго, относящегося к периоду после сентября 1406 г. – 7 июню 1407 г., но до ноября 1408 г. [121] или в 1410 г.*, волость Щитово передавалась им двум своим сыновьям – князьям Семену и Василию. Ее северо-восточная граница приходила вверх по р. Наре, т. е. она непосредственно граничила с великокняжеским селом Каменским.

---

* *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 98; *Кучкин В. А.* Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 116.

Из пяти бояр-послухов духовной грамоты боровско-серпуховского князя первым упомянут «Костянтин Иванович». Несомненно, это сын Ивана Шонура[122]. Очевидно, что в начале XV в. К. И. Шонуров не был полновластным владельцем в этой вотчине. О характере прав Константина и его отца на село Щитово пока говорить можно только предположительно. Согласно духовным грамотам Ивана Калиты, волость «Щитовъ» завещалась его младшему сыну Андрею[123]. Следовательно, можно предположить, что ее центр — село Щитово — за службу при дворе великого князя находилось в условном владении семьи князя Шонура Козельского. В первой половине XIV в. данный институт отношений уже был развит в Московском княжестве. Наиболее известным примером тому служит следующее сообщение во второй духовной грамоте Ивана I Калиты: «А что есмь купил в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Воръкову, аже іметь с(ы)ну моему которому служити, село будет за нимь, не іметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоімут»[124]. Если наше предположение верно, то можно заключить, что права князя Ивана Шонура на некоторые полученные за выезд на службу земли в Московском княжестве в это время мало чем отличались от прав вольных слуг и бояр. Правда, передача им «в удел» сыну Давыду села Недино (если это, конечно, не поздняя интерпретация источника в конце XV – XVI в.), возможно, является прямым указанием на сохранение Шонуром Козельским определенных княжеских прав, хотя бы в границах части своих владений. Насколько они были полнее и чем отличались от прав вольных слуг и бояр, пока говорить сложно. По крайней мере, можно точно утверждать, что князь И. Ф. Шонур Козельский не был верховным сувереном на полученных им землях, так как не принадлежал к роду правящей здесь княжеской династии.

Археологические наблюдения последних десятилетий позволяют судить о степени плотности населения Калужской области и роде его занятий в эпоху Средневековья, когда на ее землях существовало Боровско-Серпуховское княжество. Здесь, как отмечал Ю. А. Краснов, «часть городищ древнерусского времени и 14–15 вв. характеризуется устойчивым комплексом признаков, среди которых: мощные укрепления при относительно небольших размерах площадки (700–2000 кв. м); находки предметов вооружения и конского снаряжения, типичных для быта феодалов; наличие среди находок стеклянных браслетов, дорогих украшений, не встречающихся на рядовых сельских поселениях; значительная имущественная дифференциация обитателей городищ, прослежи-

ваемая, в частности, в размерах и планировке построек» [125]. Можно предполагать, что после переезда на службу к великому князю владимирскому и московскому основным занятием князя Ивана Шонура стала охрана юго-западных рубежей его владений, а также давление на соседние земли, отторгнутые рязанцами у Черниговского княжества еще в конце XIII – начале XIV в. В районе р. Протвы бывший козельский князь получил в середине XIV в. значительные земли, владельцами которых некогда были его прямые предки. Любопытно отметить, что к востоку от вотчин князя Ивана Шонура, в соседней Коломне спустя некоторое время, но все в том же XIV в. образуются владения других выезжих на службу в Москву князей – Дмитрия Боброка и Ивана Липяты. Формирование владений таких видных аристократов в пограничных с Верховскими княжествами и ВКЛ землях, очевидно, носило весьма продуманный, а не хаотичный характер и было отражением, по крайней мере, части внешнеполитических задач великого князя московского.

И. Ф. Шонур Козельский, по-видимому, как и Д. М. Боброк Волынский, также получил какие-то земли непосредственно вблизи Москвы. На это косвенно указывает ретроспективный анализ названий населенных пунктов и владений его потомков. Так, например, в волости Корзеневе по акту 1526/27 г. известна деревня Сатино. Ранее она была в вотчине за представителем старомосковского боярского рода И. Ф. Петровым [126]. Кроме того, в списке с писцовых книг 1584–1586 гг. поместных и вотчинных земель в Горетове стане за И. И. Завесиным-Елизаровым с детьми «въ вотчине» упоминается ряд владений, которые до этого были «за Офонасьемъ за Сатинымъ въ вотчинежъ: слц. Жегалово на р. Клязме», а также ряд пустошей: «Бражникова, а Воровицыно тожъ, на р. на Клязме», «Орешниково, а Осинниковская тожъ», «Сонино на рчк. на Чорной», «Варишино» и «Кутазница». Таким образом, данная вотчина состояла из «слц. живущее да 5 пуст., а въ нихъ 2 дв. вотчинниковы, да дв. люцкой; пашни паханные сер. Земли 20 четьи да пер. 68 четьи безъ полуосм., и обоего пашни и пер. 88 четьи безъ полуосм. Въ поле, а въ дву потомужъ, сена 300 коп., лесу рощи 5 дес., да дровяного 6 дес.» [127].

Кроме того, в Городском стане соседнего Звенигородского уезда в списке с писцовых книг 1592–1593 гг. поместных и вотчинных земель отмечено прежнее владение Н. З. Сатина. Оно состояло из полсельца Шумеева и деревень «Иванишково», «Доманово», «Чемерево» и «Бесково». Всего за потомком козельского князя

числилось «полсяц., да 4 дер., да пуст.; пашни сер. земли 88 четв., сена 131 коп., кустарю пашенного 20 четв., рощи на осм.» [128]. По-видимому, это только часть земель Ивана Шонура и его семьи, о которых дошли скупые упоминания в источниках.

Тем не менее, земельный фонд Сатиных и Шонуровых не ограничивался владениями в Боровске, Москве и Звенигороде. Важно отметить, что близкое соседство по землевладению Сатиных и Волынских можно встретить не только под Москвой, но и в Угличе и Ржеве. Большинство представителей рода в середине XVI в. служили по дворовому списку именно из этих поволжских городов [129]. Известно, что Углич и Ржев долгое время были владениями Владимира Андреевича Храброго и его племянника Константина Дмитриевича, а позднее – галицкого князя Дмитрия Шемяки. На службе у этих князей в конце XIV – середине XV в. состояло большинство Шонуровых и Сатиных. Как показывают источники, правда, уже XVI в., они были тесно связаны с Угличским Покровским монастырем [130]. Вотчина З. А. Постника Сатина и его сыновей Федора, Алексея и Андрея – четыре пустоши – находились на р. Кадке Кадского стана Угличского уезда [131]. Возможно, это часть прежнего обширного владения, хотя не исключено и его более позднее происхождение. Так, например, известно, что разделенное в 1532/33 г. с братией Покровского монастыря село Ясенское с деревнями было пожаловано Постнику Сатину в вотчину великим князем Василием III Ивановичем [132].

Согласно росписи Шонуровых, находящейся в *Комп. ред.*, князь Иван Шонур «пришол ис Чернигова» [133]. Более поздние родословные росписи Сатиных утверждают, что он был князь «Козелской» [134]. По-видимому, противоречия между сообщениями разных источников может снять ранняя редакция росписи дворянского рода Толстых. Она относится ко второй половине XVI в. Поводом для ее составления стала свадьба одной из представительниц боковой ветви данного рода – Анны Григорьевны Васильчиковой. Она стала женой царя Ивана IV Грозного. Данная роспись отмечает, что предок Толстых Леонтий служил в Чернигове у князя Мстислава Михайловича [135]. Этот князь, согласно родословцу Дионисия Лупы Звенигородского первой трети XVI в., правил только «в Карачеве и в Звенигороде» [136]. Однако доверять в полной мере данному источнику нельзя. Так, например, он сообщает, что после убийства в Орде великого князя Михаила Всеволодовича новым черниговским князем стал его сын Роман, но это, если учесть состав местных князей за XIII в., упоминающихся в Любецком и Северском

синодиках, оказывается не совсем верным. По летописям известно, что сначала Роман долгое время находился на княжении в Брянске, чего, кстати, родословец Дионисия Звенигородского не знает [137]. Учитывая неполноту сведений данного источника, нет сомнений в том, что в него вполне могло не попасть известие о правлении в Чернигове брата Романа Старого — Мстислава. Его княжение в этом городе весьма вероятно. Не стоит забывать о том, что Брянск в конце XIII в. был захвачен смоленскими князьями. Поэтому политическим центром потомков великого князя Михаила Всеволодовича на некоторое время мог вновь стать Чернигов.

Летописи Северо-Восточной Руси свидетельствуют о периодически возникающих в Карачевском княжестве военных действиях, жертвами которых становились местные правители. Так, в 1310 г. в борьбе за Брянское княжение между князьями из смоленской династии Святославом Глебовичем и его племянником Василием Александровичем был убит сын Мстислава Михайловича — князь Святослав Карачевский [138]. Спустя почти 30 лет здесь повторяется новая драма. 23 июля 1339 г., «на память святаго мученика Трофима», был убит «князь Козельскыи Андреи Мьстиславичь отъ своего братанича отъ Пантелеева сына, отъ окааннаго Василиа» [139]. Это событие по времени совпадает с посылкой рати великого князя Ивана I Калиты на войну под Смоленск. Не могли ли именно данные события повлиять на решение Ивана Федоровича Шонура выехать на службу в Москву? Впрочем, для нас важно не только острое противостояние из-за земель среди князей карачевского дома, но и существование в конце 30-х гг. XIV в. взрослого внука у князя Мстислава Михайловича. Учитывая время деятельности сыновей князя Ивана Федоровича Шонура, можно достаточно точно предполагать, что сам он, по-видимому, был внуком, а не правнуком черниговского и карачевского князя Мстислава Михайловича.

Кроме упоминаемых в летописи под 1371 г. Андрея, Давыда и Бориса, у князя И. Ф. Шонура Козельского по родословцам известно еще двое детей. Это — Константин и Роман Сатя. Первый из них был старшим, а второй младшим братом Давыда [140]. К сожалению, установить порядок их старшинства по отношению к Андрею и Борису пока точно не удается. Однако, учитывая раздел отцовских владений, можно предположить, что Андрей был все же младше Константина. Возможно, такой же порядок старшинства был и у Бориса с Романом Сатей.

Как известно, Константин Иванович был старейшим боярином боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго.

Это свидетельствует о достаточно доверительных отношениях между этими людьми. В 1388–1389 гг. в летописях упоминаются «бояре стареишие княжи Владимеровы». Однако источник не называет их по имени [141]. Поэтому пока сложно установить, когда мог произойти переход Константина Ивановича на службу ко двору правителя Боровска – до смерти Дмитрия Ивановича Донского в 1389 г. или чуть позже. Правда, отсутствие имени К. И. Шонурова на духовной великого князя косвенно все же говорит в пользу первого из двух вариантов. Однако этого факта все равно пока не достаточно для убедительного решения данной проблемы. Требуются дополнительные аргументы.

У Константина известен только один сын Андрей. Он был боярином. Повидимому, первоначально он служил углицкому князю Константину Дмитриевичу. Последний, как отмечает Московский летописный свод конца XV в., в 1420 г., находясь на княжении в Новгороде Великом, посылал на р. Нарову для заключения мира с Орденом «своего боарина Андреа Костянтиновича» [142]. В нем С. Б. Веселовский видел именно сына К. И. Шонурова, так как его тезка А. К. Сахарник Добрынский в это время все-таки был боярином великого князя Василия I Дмитриевича [143]. Переход А. К. Шонурова на службу в Москву мог состояться не позднее смерти его сюзерена, что произошло в 1433 г. *Комп. ред.* родословных книг утверждает, что Андрей «на Москве был боярин введенои» [144]. Если это так, то становится очевидным, что внук князя И. Ф. Шонура Козельского уже входил в группу молодших, а не великих бояр. Однако можно предполагать, что его переход на службу в Москву состоялся гораздо ранее. Так, в росписи Сатиных, поданной в Разряд в 1686 г., заявлялось: «У Константина сын Андрей был на Москве бояринъ у великаго князя Василья Дмитриевича и у великого князя Василья Васильевича» [145]. Если сообщение источника верно, то переход Андрея на службу в Москву, естественно, состоялся до 1425 г. Скорее всего, это могло произойти в 1423 г., когда Константин Дмитриевич вернулся из Великого Новгорода и окончательно помирился с великим князем. Служба А. И. Шонурова у Василия II Васильевича не была долгой. Боярин был убит в бою ордынцами Улуг-Мухаммеда под Белевым 5 декабря 1437 г. В списке погибших его имя упоминается первым в ряде летописей и синодиков, что свидетельствует о его видном на тот момент положении при дворе великого князя Василия II Васильевича [146]. У А. К. Шонурова известен сын Александр Черт.

Давыд, как и его брат К. И. Шонуров, по сведениям *Патр. ред.* родословных книг, был боярином [147]. Однако *Комп. ред.*, а также редакция в 81 главу и роспись Сатиных 1686 г. об этом ничего не знают [148]. По-видимому, эта вставка могла быть осуществлена кем-нибудь из рода Сатиных, которые во второй половине XVI в. считали его своим прямым предком. Это предположение как будто может подтвердиться следующим сообщением *Патр. ред.* о Давыде, отмечающим, что он «молодъ умеръ». Данное сообщение родословца не противоречит другим источникам. Действительно, Давыд единственный раз упоминается в 1371 г., тогда как его старший брат Константин был жив еще в начале XV в. У Давыда известны два сына — Михаил и Матвей. Об их служебном положении источники ничего не сообщают.

Первому из братьев роспись Сатиных приписывает двух бездетных сыновей — Григория и Федора [149]. Однако *Патр. ред.* и редакция в 81 главу этого не утверждают [150]. В более ранней росписи Шонуровых сообщается, что на самом деле у Григория Михайловича было четверо сыновей — Михаил, Федор, Константин и Иван Ноздря [151].

Положение при дворе удельных князей данного поколения Шонуровых в определенной мере может осветить видная карьера их ближайшего родственника — Михаила Матвеевича. Родословные росписи Сатиных XVI–XVII вв. считают М. М. Шонурова сыном не Матвея Романовича, а его старшего двоюродного брата Матвея Давыдовича [152]. Между тем *Комп. ред.* родословных книг, в составе которой сохранилась самая ранняя редакция росписи потомков князя И. Ф. Шонура Козельского (протограф рубежа XV–XVI вв.), сына Матвея у боярина Давыда Ивановича не знает [153]. Таким образом, есть серьезный повод для сомнений в реальности его существования.

Младшим сыном князя Ивана Федоровича был Роман Сатя. Как и все братья, он сложил с себя «княжение». О его владениях можно судить по названиям населенных пунктов, о которых говорилось выше. Согласно источникам, у Романа Сати был только один сын — Матвей. Среди внуков князя И. Ф. Шонура Козельского он сделал самую выдающуюся карьеру. Как отмечает роспись Сатиных 1686 г., за Матвеем «отъ великаго князя Василья Дмитреевича» был «Казелскъ не в от(ъ)имку, а был на Москве бояринъ у великаго князя Василья Дмитреевича, и дал ево князь великий князю Василью Володимеровичу въ бояры, а после Василья жилъ у князя Константина Дмитриевича въ боярахъ» [154].

Согласно духовной грамоте боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, г. Козельск завещался его старшему сыну Ивану, причем это не носило характера безусловного владения. Князь особо оговаривал, что своему сыну он «дал есмь емꙋ кн(ѧ)зѧ великог(о) ꙋдѣла Васил(ь)ꙗ Дмитреевич(а) Козелескъ со всѣми пошлинами, Гогол(ь), Ѡлексин, кꙋплю, Лисин». Однако в случае политических катаклизмов, «а ѿт(ъ)иметсѧ какими дѣлы Козелескъ, и в Козелска мѣсто с(ы)нꙋ кн(ѧ)зю Иванꙋ, Любꙋтескъ с волостми. А ѿт(ъ)имется ѿт с(ы)на, ѿт кн(ѧ)зѧ Ивана Лубꙋтескъ и Козелескъ, и с(ы)нꙋ, кн(ѧ)зю Иванꙋ Рожалово да Божонка» [155].

Независимость козельских князей от власти великого князя Василия I Дмитриевича была ликвидирована в 1402 г. со смертью их покровителя от агрессивной политики Москвы и Литвы — рязанского великого князя Олега Ивановича. К 1408 г. земли Карачевского княжества окончательно перешли под контроль деда московского князя по матери, правителя ВКЛ Витовта Кейстутовича [156]. Таким образом, если М. Р. Сатин и держал у Василия I Дмитриевича в кормлении Козельск, как полагает С. Б. Веселовский [157], то это могло произойти только между двумя указанными выше событиями. Точнее, даже можно предположить, что внук И. Ф. Шонура наместничал в родовом гнезде между 1402–1406 гг., т. е. до обострения московско-литовских противоречий и заключения перемирия на р. Плаве. Дальнейшая служба М. Р. Сатина у князя Василия, сына Владимира Храброго, также находит объяснение. Среди его владений оказалась «половина Щытова по Ѡндрѣевꙋ розьѣздꙋ по Гороховꙋ» [158], где, напомним, были их фамильные вотчины. Князь Василий Владимирович скончался в моровое поветрие 1427 г. Поэтому время службы М. Р. Сатина у углицкого князя Константина Дмитриевича следует определять периодом между 1427 и 1433 гг. Поздняя роспись Сатиных 1686 г. отмечает, что он был бездетен [159]. Однако более ранние родословные источники этого не подтверждают [160]. Принимая во внимание фамильное прозвище его отца, можно утверждать, что известный источникам середины XV в. боярин и дворецкий князя Дмитрия Шемяки — Михаил Матвеевич был сыном М. Р. Сатина. Именно от него, а не от Матвея Давыдовича следует выводить хорошо известный в конце XV – XVI вв. род дворян Сатиных.

Приведенные выше сведения источников о представителях рода князя И. Ф. Шонура Козельского в конце XIII – первой трети XV в. предположительно можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Приложение № 1

Глава 24[1]

Род Всеволожь-Заболоцких[2].

Оу[3] князя Александра Всеволодовича Смоленского были 2 сына: Дмитреи да Иван.

А у Дмитрея 2 сына: Иван да Федор Турик.

А у Ивана Александровича Всеволодовича 6 сынов: первои – Иван Молодои, второи – Василеи Губастои, третеи – Глеб, четвертои – Юрьи Киселевскои[4], пято[и] – Семен, шестои – Василеи Заболотцкои.

[1] За исключением заглавной «Г», остальные буквы написаны киноварью.

[2] *За исключением заглавных букв слов, заголовок написан киноварью.*

[3] *Здесь и далее заглавные буквы написаны киноварью.*

[4] *Так в ркп.; должно быть* – «Кислеевскои».

А у Ивана у Дмитреевича 2 сына: Иван да Семен.

А у Федора у Турика 2-ж с[ы]ны: Федор да Никита. И Федора убили на Белеве бездетна. А Никита идучи из Орды с великим князем преставился, бездетен же. Одна была у них сестра, а была за князем Васильем Ивановичем за Оболенским.

А у Ивана Ивановича у Молодово у Олександровича дети: Лев, Гаврило, Дмитреи Бота. // (*л. 89 об.*)

А у другово сына Иванова, у Василья у Губастово, 2 сыны: Данило да Никита Трясоголов.

А у третьево у Иванова сына Александровича, у Глеба, 4 сыны: Володимер, Дмитреи, Михаило Черт, Данило.

А у четвертово сына Иванова, у Юрья у Кислеевского, 2 сына: [Семен[1]] да Иван Меньшои.

А у пятово сына у Иванова, у Семена, 7 сынов: Василеи, убит на Белеве, бездетен, Федор Чернои, Юрьи Слепои, да Гаврило Кривои, оба бездетны, Михаило Немои, Иван, Ондреи Дровни.

А у шестово сына Иваново[2], у Василья у Заболотцкого, 2 сына: Никита, убит на Белеве, бездетен, да Григореи Заболотцкои.

А у Ивана Ивановича 2 сына: Иван Бздиха да Ондреи Кутиха, бездетен. // (*л. 90*)

А у Ивана у Бздихи сын Семен, бездетен.

А у Льва Иванова сына Молодово 4 сыны: Григореи, да Остафеи Трегуб, был в чернцех, Микита, Василеи.

А у другово сына Иванова Молодого, у Гаврила, 2 сына: Иван да Микула Ярои.

А у третьево сына Иванова Молодого, у Дмитрея у Боты, 4 сыны: Володимер Дурнои да Иван, оба бездетны, да Александр, да Иван Козля.

А у Данила у Васильева сына Губастого 2 сына: Иван да Александр.

А у другово Васильева сына Губастого, у Микиты у Трясоголова, 5 сынов: большои Ондреи Рига, Володимер Меньшои Рига, Иван, Ондреи Меньшои.

А у первого у Глебова сына, у Володимера, 2 сына: Дмитреи Шуров да Михаило Щука.

А у другово сына у Глебова, у Дмитрея, // (*л. 90 об.*) 2 сына: Михаило Шапка да Булгак, бездетен.

---

[1] В ркп. было оставлено место для имени. Восстановлено по Рум. ред. 40х гг. XVI в. (РИИР. Вып. 2. С. 141. Л. 110 об.).

[2] Так в ркп.

А у третьево у Глебова сына, у Михаила у Черта, один сын – Василеи Чертенок.

А у четвертово у Глебова сына, у Даниила, сын Михаило Щукал, бездетен.

А у третьево сына у Семенова у Кислеевского 6 сынов: большои – Борис Голова, Племянник, Волк.

А у Волка сын – Петр[1], 4-и – Жихорь, 5-и – Истома, 6-и – Павел, оба бездетны.

А у другово сына Юрьева, у Мня, один сын – Семен Вшнюка, да Микифор, бездетен[2].

А у Федора у Черного 4 сыны: большои Иван, да Петр Тонкои, да Семен, да Василеи Помяс.

А у Никулы у Немого, у Семенова ж сына, 2 сына: Василеи Благои да Семен Шик, // (*л. 91*) оба бездетны.

А у Ивана, у Семенова ж сына, 3 сыны: Михаило, да Григореи, да Замятня.

А у Ондрея у Дровни, у Семенова ж сына, 2 сына: Ондреи да Иван.

А у Григорья у Заболотцкого, у Васильева сына, 5 сынов: Угрим, Петр, Лобан, Костянтин, Асенчюк, Олексеи.

А у Угрима сын Семен.

А у Семена дети: Иван, Данило, а служили в уделе.

А у Костянтина дети: Семен, Володимер.

А у Семена дети: Володимер, Олексеи.

А у Володимера, у Семенова брата, дети: один сын Данило.

А у Ивана у Гаврилова сына у Молодово 3 сыны: Василеи Бражник, да Семен // (*л. 91 об.*) Лапа, да Иван Кувшин.

А у Василья у Бражника сын Тимофеи.

А у Семена у Лапы дети: Василеи да Иван.

А у Ивана у Кувшина дети[3].

А у Микулы у Ярого сын Иван.

А у Ивана дети: Иван же, збежал в Литву, да Ондреи.

А у Дмитреева сына у Ботина у Володимерова сын Федор Дурнои Киверь.

А у Федора у Дурново Киверя дети: Никита Благои.

А у другово сына Дмитреева, у Ивана у Козляти, 2 сына: Федор да Степан.

---

[1] Так в ркп.

[2] Так в ркп.; В Рум. ред.: «А Ивановы дети Мневы: Семен Вшвнюка, да Микифор, бездетен» (РИИР. Вып. 2. С. 141. Л. 111).

[3] Не записаны. Оставлено чистое место в 1 ½ строки.

А у Ивана Данилова сына Губастого один сын Василеи Услюм, бездетен.

А у другово сына у Данилова у Олександрова // (*л. 92*) 2 сына: Иван, бездетен, да Степан.

А у Ондрея у Микитина сына Трясоголова 3 сына: Глеб, бездетен, да Василеи, да Никита, бездетен.

А у Володимера у Риги один сын Семен.

А у Ивана у Никитина сына 4 сына: Петр, Терентеи, Тимофеи[1].

А у Терентия дети: Степан, Игнатеи, Федор, Иван Ушак.

А у Ондрея у Меньшово 3 сыны: Василеи, да Володимер, да Иван.

А у Михаила у Шапки 3 сыны: Григореи, да Василеи, бездетен, да Федор.

А у Чертка 4 сыны: Федор да Василеи, да другие жены — Иван, да Федор.

(См.: **РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 16. Л. 89–92.**)

Приложение № 2 (а)

Род Порховских[2].

Ник[и]ту, Иессея, инока Иону, Симеона, иноку Дарию, инока Мисаила, Евстафия, Акилину, инока Иону, // (*л. 63*) Елисея, инока Вавилу, инока Никифора, инока Мартирия, Вассу, священноерея Афонасия, Марию, Марию, Феодора, Иоанна, Григория, иноку Александру.

Род Стефана Порховского[3].

Григория[4], иноку Иринию, Илариона, иноку Настасию, Антропия, иноку Вассу, Игнатия, инока Иоанна схимника, инока Иоанна схимника, Игнатия, Евстафия, иноку Марфу схимницу, иноку Оульянию схимницу, Марфу, Димитрия, Арефы, Симеона, Евдокею, Георгия, Агафию, // (*л. 131 об.*) Алексея, Екатерину,

[1] Так в ркп.

[2] За исключением заглавной буквы «Р», заголовок написан киноварью, вписан в два киноварных круга на внешнем боковом поле л. 62 об.

[3] *Заголовок написан киноварью, вписан в два киноварных круга на внешнем боковом поле л. 131..*

[4] *Заглавная буква «Г» написана киноварью.*

Иоанна, Власия, Марию, Дионисия, Анну, Екатерину, Анну, инока Адриана схимника, иноку Евдокею схимницу, инока Филиппа схимника, Вассу схимницу, инока Алексея схимника, иноку Софию схимницу, инока Фому схимника, иноку Евфимию схимницу, иноку Марию схимницу, Домникию, Феодора, Захария, Григория, Михаила младенца, Симеона, Алексея, Микулу, Феодотию, Тимофея, Мавру, иноку Варвару схимницу, Иоанна, Матфея оубиеннаго, Димитрия, иноку Настасию схимницу, иноку Настасию, Иоанна, Феодосию, Симеона, Малахия, Макария, Пелагию, Моисея, Иоанна, Фетению, Андрея избиеннаго, Софию, Иоанна, Петра, Пелагию, Иринию, Василия, Назария, Матрену, князя Андрея, // (*л. 132*) инока Антония схимника, Феодотию схимницу, Кирилла, Иоанна, Михайла, Агафона, Марию, Пелагию.

Род Шестака Порховского[1].

Иоанна, инока Феодосия, князя Иоанна, // (*л. 145 об.*) князя Романа, князя Козму, иноку Анну, иноку Феодору, Георгия, Иоанна, Бориса, Стефана, Феодора, Симеона, Иоанна[2], Елесея, Никиту, Димитрия, Феодора, схимника Никиту.

(См.: **ОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 62 об.—63, 131—132, 145—145 об.**)

Приложение № 2 (б)

Род[3] Кузьминых и Порховских. // (*л. 217 об.*)

А[4]оу великого князя Витовта Литовскаго была на постеле девка Настасья, а прозвище ей Вятка.

И для той девки была вражда оу Витофта з детьми его.

И Витофт дал тое девку за конюха, за Ромашку, и дал ему богатества много. И Ромашка, конюх, з женою оутек в Новгород Великой и назвался сродник великим князем литовским.

---

[1] За исключением заглавной буквы «Р», заголовок выполнен киноварью, вписан в два киноварных круга справа на полях л. 145 ркп.

[2] В данном слове на л. 145 об. первая (выносная) буква «Н» дописана к основному тексту другими (светлокоричневыми) чернилами

[3] Заглавная буква «Р» написана киноварью.

[4] Здесь и далее заглавные буквы написаны киноварью.

И новогородци дали ему на прожиток город Порхов. // (*л. 218*)

И потом сведали, что Ромашка не князь, и хотели его за то оубить. И он оутек на Кострому, да купил на Костроме вотчину.

А оу Ромашки сын Кузьма.

А оу Кузьмы дети: 1 Степан, 2 Борис.

А оу Степана Кузьмина сына дети: 1 Федор, 2 Семен, 3 Борис, 4 Шест, 5 Тимофеи, 6 Мятель, 7 Никита.

А оу Бориса дети: 1 Степан, 2 Володя.

А выданы головою Пупку Колычеву Темирь да Мятель в Оршинское дело на Друцких полях оу Воскресенья на Д[уб]рови.

(См.: **РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 217–218.**)

Приложение № 3 (а)

Се род Шонуров. Пришол ис Чернигова князь Иван Федорович Шонур. А у него был сын Констянтин, а другои – Давыд, третеи – Роман Сатя. А у Констянтина сын Ондреи, а на Москве был боярин введенои. А у Давыда сын Михаила. А у Михаила – Григореи. А у Григорья – Михаило, да Федор, да Констентин, да Иван Ноздря.

Давыду досталось в удел Недино. А большому сыну Констянтину досталось село Щитово в Боровске.

(См.: **РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.** Изд.: ***Кузьмин А. В.*** **Землевладение боярского рода Сатиных в XIV–XV вв. // Историческая география России: новые подходы: Сб. статей, посвящ. 70-летию В. М. Кабузана / Отв. ред. Я. Е. Водарский. М., 2004. С. 72.**)

Приложение № 3 (б)

Глава 52[1].

Князь[2] Иван Федоровичь Шонур Козельскои. А у него было 3 сына: Костянтин, Давыд, Роман, и княженье с себя сложили.

А у Костентина сын Ондреи.

А у Давыда 2 сына: Михаило да Матвеи.

А у Романа сын Матвеи.

---

[1] *За исключением заглавной «Г», остальные буквы написаны киноварью.*

[2] *Заглавная буква «К» написана киноварью.*

А у Ондрея Костянтинова сын Олександрь Черт.
А у Михаила Давыдова 2 сына: Григореи да Федор.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ю. Вольф пишет, что детьми князя Ивана Святославича были Андрей и Федор, однако в отношении последнего это – ошибка, так как ниже он пишет не о нем, а о князе Семене (*Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 391–392).

[2] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 372–373.

[3] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 252.

[4] РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 24–27. Л. 593–596. Ср.: Там же. С. 76–77. Л. 1–1 об.

[5] Там же. С. 26–27. Л. 594 об.

[6] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 38– 38 об.; Родословная книга по трем спискам // Временник имп. ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 247 и сл.

[7] Родословная книга по трем спискам. С. 53–54.

[8] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 102 об. –103.

[9] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 372.

[10] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 65 и сл.

[11] РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 21; См. также списки *ред. в 81 главу* (Там же. № 173/280. Л. 45).

[12] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 6–7. Л. 3 об.; См. также: Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 229. Л. 320; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 219. Л. 311 и др.

[13] *Хорошкевич А. Л.* Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 72–73. Примеч. 3.

[14] Ср.: *Приложение № 1.*

[15] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 372.

[16] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 74; *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 94–95.

[17] *Шокарев С. Ю.* К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец. М., 2001. № 1. С. 17; Вывод несколько странный, если учесть то обстоятельство, что для убедительности исследователь прямо ссылается на работу С. Б. Веселовского, где дана совершенно другая дата (Ср.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 372–373).

[18] ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 148; Т. 4. Ч. 1. С. 395. Л. 262– 262 об.; В более поздней Никоновской летописи князь Владимир ошибочно был назван братом великого князя Юрия Святославича (Там же. Т. 11. М., 2000. С. 190).

[19] Там же. Т. 3. М., 2000. С. 398. Л. 241 об.

[20] Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 394. Л. 261 об., С. 395. Л. 261 об.; См. также:

Там же. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 522. Л. 444 об.

[21] Там же. Т. 35. М., 1980. С. 53. Л. 59; См. также: Там же. Т. 11. С. 188.

[22] РИБ. Т. 27. Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1: Книга записей. Т. 1. СПб., 1910. Стб. 93–94. Л. 53 об.; *Грушевский А.* [*С.*] Пинское Полесье XIV–XVI вв.: Исторические очерки. Киев, 1903. С. 11. Примеч. 8.

[23] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 54, 55.

[24] *Востоков А.* [*Х.*] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. № LXXII. С. 127.

[25] *Wolff J.* Op. cit. S. 392.

[26] РИБ. Т. 27. Стб. 45. Л. 24; О характере землевладения князя Андрея Порховского в ВКЛ на службе у мстиславского князя Семена-Лугвеня Ольгердовича см. в ст.: *Владимирский-Буданов М.* [*Ф.*] Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства // ЧИОНЛ. Киев, 1889. Кн. 3. С. 80, 89.

[27] Подробнее о Семене Лугвене см. в кн.: *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonyw. W-wa, 1968. S. 16–17.

[28] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 94–95.

[29] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 412. Л. 275; В дефектном списке НIЛ ошибочно отмечается, что постановка церквей произошла «**при князи Юрьи Федоровичи Смоленскомъ** (выделено мной. – *А. К.*)» (Там же. Т. 3. СПб., 1841. С. 135). С. Ю. Шокарев, не обратив внимания на сентябрьский стиль Никоновской летописи, ошибочно датирует данное известие 1413 г. Кроме того, исследователь не сравнил текст этого весьма позднего источника с известиями других списков новгородских и псковских летописей. В результате получилась неверная интерпретация и оценка информации текста. С. Ю. Шокарев ошибочно полагает, что церковь в Порхове ставил не князь Федор Юрьевич, а его предшественник Юрий Александрович (*Шокарев С. Ю.* Указ. соч. С. 17).

[30] ПСРЛ. Т. 35. С. 34. Л. 265, С. 57. Л. 74– 74 об.

[31] Там же. С. 121. Л. 65 об.

[32] Об этом, в частности, свидетельствует запись за 1435 г. на серебряном артосном панашире, который хранился в ризнице Софийского собора новгородского Кремля (*Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952. № 216. С. 131).

[33] В этом году в Новгородской земле черный бор собирал приближенный великого князя Василия II, московский боярин князь Юрий Патрикеевич Литовский (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 435. Л. 294 об.).

[34] Там же. С. 436. Л. 295–295 об.; Т. 35. С. 121. Л. 65 об., С. 165. Л. 272 об. –273 и др.

[35] ДРВ. М., 1788. Ч. 6. С. 456, 457.

[36] Фамилия князя Кузьмы Порховского в данном синодике написана киноварью.

[37] ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 11.

[38] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 8. С. 25 [Список XVIII в.]. Упустив из внимания генеалогию рода Порховских, издатели данного акта С. Н. Кистерев и Л. А. Тимошина ошибочно

решили, что *Юшковская* (курсив мой. – *А. К.*) – это деревня Нерехотского стана Костромского уезда, а не имя владельца деревни «Ильицыно» (Ср.: Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. С. 610 (Указатель)).

[39] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 30. С. 75–80, № 34–35. С. 87–100 [Подлинники].

[40] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 397. С. 289 [Список середины XVI в.].

[41] Ранее на это известие источника указывал С. Б. Веселовский (см. в кн.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373).

[42] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 97. С. 134 [Список конца XVIII в.].

[43] На возможную принадлежность Ивана Коварцы к роду Порховских ранее обратил внимание С. Ю. Шокарев (*Шокарев С. Ю.* Указ. соч. С. 17–18).

[44] АРГ, 1505–1526 гг. М., 1975. № 65. С. 71, 72 [Подлинник]; См. также: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[45] ДРВ. Ч. 6. С. 458; См. также: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[46] АСЭИ. Т. 1. № 306. С. 218 [Подлинник].

[47] ДРВ. Ч. 6. С. 463; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[48] Описная книга Суздальского Спасо-Еуфимиева монастыря 1660 г. / Подгот. к изд. К. Н. Тихонравов. Владимир, 1878. С. 68. Это важное известие источника С. Б. Веселовским, С. Н. Кистеревым и Л. А. Тимошиной не было замечено.

[49] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 170; Т. 23. С. 150. Л. 270; Т. 39. М., 1994. С. 145. Л. 254 об.; П. Н. Петров, а вслед за ним Ю. Вольф полагали, что в 1442 г. из Литвы в Москву выехал князь Семен Порховский (*Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 121; *Wolff J.* Op. cit. S. 392). Однако такое мнение ошибочно. П. Н. Петров, вероятно, опирался на датированное известие, которое приведено в Пространной редакции разрядных книг. Дефектный в ряде мест текст этого источника сообщает о выезде на службу литовского князя Свидригайлы Ольгердовича (Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. С. 16. Л. 3 об.). Между тем хорошо известно, что данное событие произошло не в 1442, а в 1408 г. При этом среди сторонников этого Гедиминовича летописи конца XV – начала XVI в. называют князя Семена Перемышльского, а не Семена Порховского (ПСРЛ. Т. 25. С. 237. Л. 332– 332 об. и сл.).

[50] *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 41; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 42. Л. 46 об.

[51] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[52] В списке детей боярских по Галичу Д. Д. Порховский упоминается 14-м (ТКДТ. С. 70. Л. 134). По мнению С. Б. Веселовского, он был в числе тех лиц, кто получил поместье под Москвой (*Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373). Однако подтверждающих данный вывод сведений в писцовых материалах отыскать не удалось.

[53] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. С. 149. Л. 111 об.

[54] ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 346. Л. 104– 104 об.

[55] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 175, 200. Очевидно, С. Б. Веселовский ошибается, когда пишет о службе Д. Д. Порховского в эти годы в Казани (*Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373).

[56] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[57] ТКДТ. С. 149. Л. 111 об.

[58] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[59] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 93 об.; См. также: Там же. Л. 157 об.

[60] Родословная книга по трем спискам. С. 72; См. также: Там же. С. 243; *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских: Материалы. СПб., 1900. С. 778.

[61] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

[62] РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 218.

[63] Там же. Л. 217– 217 об.

[64] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 345. Л. 236 об. –237; Т. 6. Вып. 1. Стб. 487. Л. 418.

[65] По мнению В. Л. Янина, центр кормления князя Романа Юрьевича и копорейских князей в данный момент находится в Копорье, а также, «возможно, в Ореховом и Корельском городках» (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 218, 223–224). Однако этому утверждению противоречит тот факт, что после смерти князь Роман был похоронен не в Копорье, а «у святого Спаса в Порхове» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 516. Л. 439 об.; См. также: Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 384. Л. 254 (это известие, кстати, стоит перед сообщением о разгроме войск Витовта на р. Ворскле 12 августа 1399 г.)).

[66] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 348. Л. 238 об. –239; Т. 6. Вып. 1. Стб. 490. Л. 420; Т. 11. С. 93.

[67] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 351. Л. 241– 241 об., С. 367. Л. 241 об., С. 368. Л. 242 об., С. 372. Л. 245; Т. 6. Вып. 1. Стб. 509. Л. 434 об. и др.

[68] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 373–374. Л. 246– 246 об., С. 374–375. Л. 247; Т. 6. Вып. 1. Стб. 510–511. Л. 435–436; Т. 11. С. 154, 156. О тождестве князей Романа Литовского и князя Романа Федоровича см. в кн.: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 218–219.

[69] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 223–224.

[70] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 516. Л. 439 об.

[71] Там же. Т. 3. С. 395. Л. 238– 238 об.

[72] *Puzyna J.* Potomstwo Narymunta Gediminowicza: VI. Jurij, książę Bełzki i Chełmski, później Piński // Miesięcznik heraldiczny. Warszawa, 1932. Roc 11. № 10. S. 185–186.

[73] Надо отметить, что при этом несправедливо критикуется важное наблюдение Ю. Вольфа, видевшего в Романе Литовском князя Романа Федоровича и не отождествлявшего его с князем Р. Ю. Порховским (Ср.: *Kupa K.* Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 r. // Kwartalnik Historyczny. 1993. Roc 100. № 1. S. 38—39; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. S. 28, 37, 38, 60, 307 (Tabl. II)).

[74] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 224.

[75] Подробнее см.: *Кузьмин А. В.* Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII – первой половине XIV в. // ИКРЗ, 2000. Ростов,

2001. С. 13–22; *Он же.* Князья Белоозера в Новгороде Великом: миф и реальность XIV в. // ПННЗ, 2001–2002. Вел. Новгород, 2002. Ч. 1. С. 84–91.

[76] ПСРЛ. Т. 3. С. 397. Л. 241.

[77] Как известно, в первом браке, Юрий Святославич был женат на племяннице Скиргайло (Иоанна), мать которой была старшей сестрой литовского князя. Таким образом, можно установить, что теща смоленского великого князя была рождена от брака литовского великого князя Ольгерда Гедиминовича и тверской княжны Ульяны Александровны (Там же. Т. 35. С. 64. Л. 100, С. 70. Л. 19; *Кузьмин А. В.* Георгий (Юрий) Святославич // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 104).

[78] РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 218.

[79] Благодарю Ю. Д. Рыкова, обратившего мое внимание на данный источник.

[80] ОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 145 об. –146.

[81] РГАДА. Ф. 375. № 89. Л. 1 об.; Россия и греческий мир в XVI в. М., 2004. Т. 1. С. 219, 400; *Кузьмин А. В.* Георгий (Юрий) Святославич. С. 106.

[82] См., например: Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 75. Л. 455– 455 об. [Приложение]. В этом источнике отсутствуют сведения не только о ряде князей XIV–XV вв., хорошо известных по упоминаниям в летописях и синодиках, но и о ближайших родственниках – князьях Елецких, также служивших всем родом сначала в Переяславле Рязанском, а затем – в Москве.

[83] Княгиня Феодора – старшая дочь Ольгерда от первого брака – была женой князя Святослава Титовича (*Wdowiszewski Z.* Op. cit. S. 13). Позднее, в 1418 г. Витовт женился на своей близкой родственнице (племяннице), вдове князя Ивана Карачевского – княгине Ульяне Ивановне, дочери князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского и княгини Агрипины Святославны Смоленской (*Dlugosza Jana.* Roczniki czyli kroniki slawnego krulestwa Polskiego. W-wa, 1982. Ks. 11. S. 91–92).

[84] РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 175, № 173/278. Л. 320 об. и др.

[85] РИИР. Вып. 2. С. 112. Л. 53 об.; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 96, № 174/280. Л. 33 и сл.

[86] Ср.: *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания 1-го Литовского статута. М., 1892. С. 43–56; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906–1907. Т. 1. Ч. 1–3.

[87] Ср.: *Wolff J.* Kniaziowie litowsko-ruscy od końca czternastego wieku. W-wa, 1895; *Puzyna J.* Potomstwo Narymunta Gediminowicza: II. Patrycy Narimuntowicz // Miesięcznik heraldiczny. W-wa, 1931. Roc. 10. № 5. S. 107—110, 111. Tabl.; *Kuczyńsky S. M.* Ziemie Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. W-wa, 1936 и др.

[88] Так, для примера можно отметить, что в одной из первых исследовательских статей, посвященных изучению сведений по генеалогии политической элиты Чернигово-Северской земли, были оставлены без внимания данные, относящиеся к судьбе правителей Карачевского и Тарусского княжеств

(Ср.: *Квашнин-Самарин Н.* [*Д.*] По поводу Любецкого синодика // ЧОИДР. 1873: Октябрь – Декабрь. М., 1874. Кн. 4. Отд. 5: Смесь. С. 213–226).

[89] РИИР. Вып. 2. М., 1977.

[90] Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России. С. 74. Л. 364–366 об., С. 74–77. Л. 453–458 об., 451–452 об., 83 об. –84.

[91] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 56, 252 (Ср.: *Puzyna J.* Op. cit. S. 107–111); В связи с этим, более обоснованным представляется мнение М. Е. Бычковой, которая в данном случае более осторожно констатирует: «Отсутствие более подробных известий о службе первых Звенигородских князей в Москве не позволяет утверждать, что они сразу обосновались здесь, как это случилось с князем Патрикием Наримонтовичем и его потомками, служба которых на протяжении всего XV в. хорошо известна» (*Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России. С. 41).

[92] *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 160–163.

[93] Подробнее см. в кн.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 36, 50–51.

[94] *Шеков А. В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI в.). Тула, 1993; Аналогичный вывод, с опорой на наблюдения Р. В. Зотова и Г. А. Власьева, можно встретить и в одной из современных компилятивных заметок, где также ошибочно утверждается, будто бы князь И. Ф. Шонур Козельский жил в XV в. (См.: *Беликова М. Г.* Дворяне Сатины и Жемчужниковы // ИРГО. СПб., 1995. Вып. 2. С. 56).

[95] *Зотов Р. В.* Указ. соч. С. 20. № 34, С. 301. № 157.

[96] *Шеков А. В.* Указ. соч. С. 94.

[97] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 433–434. Примеч. 1.

[98] Там же. С. 436–437. Примеч. 1, С. 437. Примеч. 1–2.

[99] Там же. С. 440 (Грамота на стр. 439–440). Этот фальсификат неоднократно переиздавался (См.: *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 441–442; АСЭИ. Т. 3. № 186. С. 199–200).

[100] Вывод Н. П. Лихачева об интерполяции в грамоте был поддержан в отечественной науке; см., например: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 104, 237. Примеч. 32 (Здесь дана подробная историография вопроса).

[101] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 461–462.

[102] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 98. Л. 307–307 об.

[103] ДДГ. № 21. С. 58 [Подлинник].

[104] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/270. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124 и сл.

[105] НКПИКЗ. № 907. Л. 15, 15 об.; Синодик Любецкого Антониева монастыря. Чернигов, 1902. Л. 21. Благодарю киевскую коллегу Е. В. Кириченко, любезно познакомившую меня с текстом синодика церкви Введения Пресвятой Богородицы Киево-Печерской лавры (список второй половины XVII в.). В составе данного источника сохранилась наиболее полная редакция помянника великих князей киевских и черниговских. Через ряд спи-

сков она восходит к более ранней редакции начала XV в. В настоящее время нами готовится научное издание его текста с пояснительными историко-генеалогическими комментариями об упоминаемых в синодике лицах.

По-видимому, еще один из ранних списков данного помянника должен был находиться в протографе синодика уставщика Брянского Свенского монастыря старца Ефрема 1626 г. Здесь в перечне «благоверныхъ великыхъ князей» на л. 9 сохранился лишь фрагмент (очевидно, окончание) поминания новосильских великих князей Романа (Семеновича) и его сына Льва Романовича. Вслед за этим идет традиционная поминальная запись о черниговском великом князе Михаиле Всеволодовиче и его боярине Феодоре. К ним приписано поминание «великого князя Романа» (по-видимому, это – второй сын князя-мученика – черниговский и брянский великий князь Роман Михайлович Старый). Этот перечень черниговских Ольговичей совершенно нелогично разрывает на две части поминальный перечень имен представителей московской великокняжеской династии и их предков Мономашичей, хронологическая последовательность упоминания которых также нарушена (Подробнее см.: Синодик старца Ефрема: Рукопись Свенского монастыря 7134. Брянск, 1896. Л. 7–9. С. 4).

[106] Ср.: *Милорадович Г. А.* Любеч, Черниговской губернии Городницкого уезда, родина преподобного Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. С. 38. № 47.

[107] ДДГ. № 2. С. 12 (в этой грамоте утрачена часть текста, где сообщается имя прежнего владельца), № 3. С. 14 [Подлинники].

[108] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 434; *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 440.

[109] *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5. С. 233–242.

[110] ДДГ. № 4 (а). С. 15, № 4 (б). С. 17 [Подлинники]; Упоминающееся до него село «Каменьское» расположено на правом (в 22 км) берегах р. Нара к северо-востоку от Боровска (Топографическая карта: Калужская область. М., 1999. С. 6).

[111] ДДГ. № 10. С. 29 [Список конца XV в.]; Подробнее об этом договоре см. в кн.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 223–270, 343.

[112] Л. В. Черепнин датировал этот документ 1382 г. Однако мнение А. А. Зимина более логично и лучше аргументировано (Ср.: ДДГ. № 11. С. 31, 33 [Подлинник]; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // ПИ. М., 1958. Т. 6. С. 286–287). Более раннее докончание братьев, к сожалению, имеет значительные утраты текста. В сохранившейся части грамоты Боровск не упоминается, хотя несомненно, что именно в этом документе должен был зафиксирован его переход в руки серпуховского князя (ДДГ. № 7. С. 23–24 [Подлинник]). По мнению А. А. Зимина, это докончание было составлено между 10 апреля и 15 июня 1371 г., т. е. до отъезда великого князя Дмитрия Ивановича в Орду к тёмнику Мамаю (*Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот. С. 283–285).

[113] ДДГ. № 1 (а). С. 7, № 1 (б). С. 9 [Подлинники].

[114] *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного. С. 259–260. Вхождение округи Боровска в состав Московского княжества в 50-е гг. XIV в. отмечает и А. А. Горский (*Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 127).

[115] Топографическая карта: Калужская область. С. 6.

[116] АКР: Калужская область. М., 1992. С. 42. № 121 (4).

[117] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74. Данное село не следует путать с селом Шитово, находящимся в 14 км к западу от г. Мосальска (Топографическая карта: Калужская область. С. 10–11). При археологическом изучении данной местности культурные слои древнерусского времени найдены не были. Все ограничивается предметами повседневного быта носителей предположительно юхновской и мощинской культур раннего Железного века, относящихся к IV–VII вв. н. э. (АКР: Калужская область. С. 89. № 399 (1)).

[118] *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 гг. // РД. Вып. 2. № 1. С. 28 [Список 1733 г.]; Поскольку оба сельца не фигурируют в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей Москвы XIV – первой половины XV в., можно предположить, что переданные в июле 1463 г. великим князем Иваном III Васильевичем Архангельскому собору села Инютинское и Козельское недолго находились в числе его владений.

[119] Топографическая карта: Калужская область. С. 6.

[120] ДДГ. № 1 (а). С. 7, № 1 (б). С. 9.

[121] Л. В. Черепнин полагал, что этот документ был составлен около 1401–1402 гг. Однако наблюдения А. А. Зимина имеют более убедительную доказательную базу (Ср.: Там же. № 17. С. 46, 47, 51 [Список второй половины XV в.]; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот. С. 290–291).

[122] ДДГ. № 17. С. 50; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 460.

[123] ДДГ. № 1 (а). С. 7, № 1 (б). С. 9.

[124] Там же. № 1 (б). С. 10.

[125] *Краснов Ю. А.* Введение // АКР: Калужская область. С. 20. О времени вхождения Боровска в состав московских владений четкого вывода нет. Так, например, на карте городских центров Московской земли XI–XIV вв. А. А. Юшко отмечает, что Боровск при Иване Калите еще входил в состав Смоленского княжества. Однако ниже она делает совершенно противоположный вывод, утверждая, что порубежные крепости, находившиеся в 30-е гг. XIV в. в бассейне р. Протвы, «призваны были обезопасить югозападные окраины Московского княжества от набирающего мощь Литовского государства». В их числе А. А. Юшко, наряду с упоминающимся в духовной Ивана Калиты Перемышлем, называет и Боровск (Ср.: *Юшко А. А.* Из истории городских центров Подмосковья XI–XIV вв. (обзор источников и исторической географии) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 188. Рис. 1, С. 189). Впрочем, позднее исследовательница замечает, что Боровск, Вышгород на Протве и Верея «вошли в состав Московского княжества в 50–80-е гг. XIV в.» (*Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 73).

[126] АРГ, 1505–1526 гг. № 285. С. 286 [Список 1641 г.]; Подробнее см.: ПКМГ.

СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 74.

[127] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 142.

[128] Там же. С. 663.

[129] ТКДТ. С. 180. Л. 134 об., С. 181. Л. 135 об., С. 205. Л. 154.

[130] *Антонов А. В., Баранов К. В.* Акты XV–XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей // РД. М., 1998. Вып. 3. № 18. С. 28.

[131] *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. С. 83.

[132] *Антонов А. В., Баранов К. В.* Указ. соч. № 15. С. 23–24.

[133] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[134] Там же. № 85/111. Л. 175; № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 434 и сл.

[135] *Козляков В. Н.* Дашковский сборник XVII в. // Рязанская вивлиофика. Рязань, 2000. Вып. 1. С. 16.

[136] Роспись потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России. С. 75. Л. 455.

[137] Там же. С. 74. Л. 364–364 об., С. 75. Л. 455.

[138] ПСРЛ. Т. 10. С. 177–178. Брянский князь Василий скончался спустя год после смерти отца – в 1314 г. (Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 408).

[139] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52. Л. 275 об.

[140] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124. Прозвище Романа Ивановича сообщает только *Комп. ред.*

[141] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 155, 157. Л. 343 об., 344 об. –345; См. также: Там же. Т. 25. С. 214. Л. 298 об.

[142] Там же. Т. 25. С. 245. Л. 341 об. –342.

[143] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 460–461.

[144] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[145] Цит. по кн.: *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 435.

[146] Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина; Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1957. С. 58–59. Л. 19 об., под 6947 г.; *Конев С. В.* Синодикология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // ИГ. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 103. Л. 56– 56 об. и сл.

[147] Родословная книга по трем спискам. С. 124.

[148] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/278. Л. 320 об.; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 435–436.

[149] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436.

[150] Родословная книга по трем спискам. С. 124; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 320 об.

[151] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[152] Там же. № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436.

[153] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[154] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436–437.

[155] ДДГ. № 17. С. 47.

[156] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 53; *Шеков А. В.* Указ. соч. С. 38–39.

[157] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 461.

[158] ДДГ. № 17. С. 47.

[159] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436.

[160] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 85/111. Л. 175, № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124; Подробнее см.: *Приложение № 3 (а–б).*

СОКРАЩЕНИЯ

Архивы, рукописные и архивные собрания

БАН – Библиотека Академии наук (в Санкт-Петербурге).

ГАРО – Государственный архив Рязанской области.

ГИМ – Государственный Исторический музей (в Москве).

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии (в РГАДА).

ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль».

МГАМИД – Московский государственный архив Министерства иностранных дел (Ф. 181 в РГАДА).

МДА – Московская Духовная академия (Ф. 173–173/IV в ОР РГБ).

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (в Москве).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Санкт-Петербурге).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (в Москве).

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов (ныне – РГАДА).

2. Издания

АДИН – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

АКИН – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

АЕ – Археографический ежегодник.

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.

АКР – Археологическая карта России.

АО – Археологические открытия.

АРГ – Акты Русского государства.

АРГ: АММС – Акты Российского государства: Акты московских монасты-

рей и соборов.

АРИ – Архив русской истории.

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.

АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства.

БК – Бархатная книга (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...).

БЛДР – Библиотека литература Древней Руси.

Вестник МГУ – Вестник Московского государственного университета.

ВИ – Вопросы истории.

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины.

ВКТСМ – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря.

ВО – Византийские очерки.

ВОИДР – Временник императорского Московского Общества истории и древностей российских.

ВФ – Вопросы философии.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

ГДЛ – Герменевтика древнерусской литературы.

ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования.

ДГСССР – Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ДРВ – Древняя российская вивлиофика.

ДРВМ – Древняя Русь: Вопросы медиевистики.

ДРИ – Древнерусское искусство.

ЗОР ГБЛ – Записки отдела рукописей ГБЛ.

ИА – Исторический архив.

ИГ – Историческая генеалогия.

ИЗ – Исторические записки.

ИКРЗ – История и культура Ростовской земли.

ИРГО – Известия Русского генеалогического общества.

ИСССР – История СССР.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КЦДР – Книжные центры Древней Руси.

ЛИРО – Летопись историко-родословного общества в Москве.

ЛМ – Литовская метрика.

ЛХ – Летописи и хроники.

ННЗ – Новгород и Новгородская земля: История и археология.

НПК – Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией.

НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов.

НIЛ, НIIЛ, НIIIЛ, НIVЛ, НVЛ – Новгородская первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.

ОИ – Отечественная история.

ОФР – Очерки феодальной России.

ПИВЕ – Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.

ПИ – Проблемы источниковедения.

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли.

ПКМГ – Писцовые книги Московского государства: Писцовые книги XVI века.

ПКРК – Писцовые книги Рязанского края XVI в.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси.

ПЛ – Псковские летописи.

ПННЗ – Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции.

ПОИ – Памятники отечественной истории.

ПIЛ, ПIIЛ, ПIIIЛ – Псковская первая, вторая и третья летописи.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией.

РА – Российская археология.

РД – Русский дипломатарий.

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.

РИИР – Редкие источники по истории России.

РИО – Русское историческое общество.

РК 1475–1598 гг. – Разрядная книга 1475–1598 гг.

РК 1475–1605 гг. – Разрядная книга 1475–1605 гг.

РФА – Русский феодальный архив. XIV – первой трети XVI в.

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси.

СР – Средневековая Русь.

СIЛ, СIIЛ – Софийская первая и вторая летописи.

ТКДТ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.

Труды МГИАИ – Труды Московского государственного историко-архивного института.

ЧИОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора летописца.

ЧОИДР – Чтения в императорском Московском Обществе истории и древностей российских.

AW – Ateneum Wileńskie.

MH — Miesięcznik heraldyczny.